

A dystopian cityscape with two megaphones in the foreground. The city is filled with smoke and debris, suggesting a state of war or disaster. The megaphones are positioned in the center, facing each other, and are superimposed over the city. The overall tone is somber and urgent.

Руслан Галеев

Радио
Хоспис

ComfortMedia

Руслан Галеев
Радио Хоспис

«Комфорт Медиа»

2011

Галеев Р.

Радио Хоспис / Р. Галеев — «Комфорт Медиа», 2011

Политический детектив в декорациях постапокалипсиса и дизель-панка. Едва уцелевшее после войны и глобальной экологической катастрофы человечество отгородилось стеной от чудовищ внешнего мира. Но никакая стена не спасет людей от чудовищ, которые сидят в каждом из нас. И чем больше усилий прикладывает человек к тому, чтобы отгородиться от мира истеблишмента и политики, тем сильнее работает мясорубка, втягивая его в центр событий.

Содержание

Часть первая	5
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Руслан Галеев

Радио Хоспис

Маршруты трамваев были неизменными, но никто не знал маршрута истории.
И. Эренбург. «Люди, годы, жизнь»

Часть первая

Дни

«Доброе утро, Вьетнам! Доброе утро, Камбоджа! Непал, Уругвай, Северная Корея, Шотландия, СССР! Как дела, ребята? Нет уже такой страны, СССР? Вообще нет никаких стран? Да какая разница теперь, уважаемые? Вчера не стало СССР и Уругвая, завтра не станет нас с вами! И все, что я могу сказать по этому поводу: доброе утро!

Вы все еще живы? Долбаный вирус еще не заставляет вас харкать кровью? На ваш дом не рухнула бомба? И даже взбесившиеся триффиды не навестили вас в минувший сочельник? Да вы просто неудачники, парни! Весь мир летит под откос на огромном бронепоезде, а вы так и остались на платформе. Сдается мне, лентяи, вы даже билетов еще не прикупили. И знаете, что это значит? Это значит, у вас еще есть немного времени для классной музыки в компании со стариной Халли. А это же я, братцы! Старина Халли – это я! Такой же ленивый неудачник, как и вы: все еще живой, все еще несущий ерунду и иногда подключающийся к небесному эфиру качественного саунда. Прямо на волнах рэйдио „Хоспис“, последнего нормального радио отправляющейся ко всем чертям цивилизации... Доброе, мать вашу, утро!

Пристегните ремни, лодыри! Я провожу вас в последний путь этим прекрасным утром. Сегодня можете называть меня просто – Доктор Апокалипсис. И для начала я подготовил вам зубодробительную композицию „I Feel Good“ в исполнении незабвенного Джеймса Брауна. Here we go, amigos, или, как говорят русские космонавты, поехали!»

Он выключил фары, свернув на узкую улочку между Стеной и задними дворами покинутого жителями квартала. Ветхие особняки за кое-где сохранившимися кирпичными заборами и остатками чугунных оград мертвыми глазами провожали его «Студебеккер». Как ни странно, здесь горели фонари, даже слишком ярко для такого места. Они превращали ночь в монохром дешевых черно-белых комиксов с легким уклоном в желтизну, как на последней странице газеты, слишком долго пролежавшей под батареей. Гипертрофированно четко выделялось все, что попадало в их расходящиеся лучи, а тень обрывалась абсолютном черных провалов. Без всякой надежды на компромисс полутонов. Мелко морозящий дождь практически ничего не менял, напротив, он играл в той же лиге, добавляя картине типографского шума.

Дом русского дворянина и в прошлом французского подданного Анатоля Бекчетова стоял чуть в стороне от остальных особняков, и даже теперь, в общем обветшании и упадке, он умудрялся сохранять некоторый налет аристократичности. Впрочем, фонари не церемонились и с ним, легко выхватывая у ночи отслаивающуюся краску, лишённые стекол оконные провалы и провалившуюся крышу. Дом выглядел гордым старцем, умирающим с поднятой головой, нацепив на латаный застиранный мундир все ордена и регалии. В принципе, так оно и было. Глупо, но возвышенно...

Стас остановил машину и заглушил мотор. «Санта-Моника», вот уже неделю терроризирующая город ледяными порывами, здесь почти не ощущалась за счет сдерживающего монолита Стены. И потому ничто не разгоняло застоявшегося запаха бескровного разложения. Запаха, который Стас не перепутал бы ни с чем. Так пахли гниющие тела, лишённые крови и

брошенные там, где были опорожнены. Это был запах опустившегося, переставшего следить за собой вампира, упыря-джанки, для которого голод стал единственным стимулом существования.

Стас не торопился, он не видел бойцов, оцепивших дом, но знал, что они здесь и следят за его машиной. Знал также, что как минимум один из них напряженно сжимает в руках снайперскую винтовку «Мусима». Поэтому Стас не имел права торопиться. Если он хотел остаться в живых сам и сохранить жизнь дорогого человека, даже и превратившуюся теперь в череду страданий – от сытого отупения до голодных поисков заблудившейся на Периферии жертвы. А он хотел. Он верил, что, несмотря на то что периоды сытости становились все короче, а голод все более ожесточенным, Анатолий узнает человека, которому когда-то заменил отца, которого воспитал по своему образу и подобию. Стас верил и потому был терпелив.

В ночном монохроме, несмотря на иссеченное моросью лобовое стекло, четко отражалась нижняя половина его лица: трехдневная щетина, искривленные усталостью губы, белесый росчерк шрама на подбородке. Верхняя часть лица была скрыта тенью от шляпы.

Итак. Медленно открыть дверь, вытянуть левую руку со значком детектива, ждать. Правая рука почти безвольно лежит на диске автомата «Лес Пол», забитом пулями с йодидом серебра в наконечниках. Он знал, что при необходимости сможет выстрелить, но верил, что такой необходимости не возникнет.

Низкое небо в росчерках лучей противовоздушной обороны, которые казались бледнее местных фонарей, давило на город своей исполинской тушей. Небо было мертво и истекало трупной влагой.

Наконец на фоне Стены, словно из ниоткуда, появился человек без лица, вырисовывающийся на фоне кирпичной кладки лишь силуэтом. Он был одет в черный комбинезон и матовый шлем, поглощающий свет, в руках сжимал такой же, как у Стаса, дисковый автомат.

– Вы Станислав Бекчетов? – спросила матовая темнота, заменявшая человеку лицо.

– Да. Я детектив Второго Периметра и... приемный сын Анатолия Бекчетова. Думаю, я мог бы уговорить его сдать без боя. Думаю, меня он послушает, поскольку...

– Мне очень жаль, – не дала договорить темнота, – но мы обнаружили Анатолия Бекчетова мертвым. Там уже работают наши эксперты, и если вы хотите увидеть... Но, по их словам, он мертв уже третий день. Судя по всему, сознание на некоторое время вернулось к вашему отцу, и, когда голод снова пришел, он прибил левую руку и ноги железнодорожными костылями к полу. Потом, видимо, пытался перегрызть прибитую руку, но уже был слаб. Да и... вы же знаете, как выглядит тело вампира спустя три дня...

– Я могу выйти из машины? – спросил Стас, и на последнем слове его голос дрогнул.

– Да, я предупредил оцепление. – Человек в черном отошел в сторону, давая возможность Стасу открыть дверь полностью. Морось вдруг ошпарила лицо Стаса холодом. То ли ветер все-таки прорвался в лабиринты Периферии, то ли воздушные массы перемещались здесь по своим законам.

– Я бы... я не хочу видеть его таким, – подумав, сказал Стас. – Когда можно будет забрать тело из вашего морга?

– Думаю, завтра к полудню. Мы могли бы переслать его на адрес вашего Управления.

– Да... Спасибо, это было бы... А вы не выяснили, как он заразился?

Человек развел руками, и свет фонарей прошелся по стволу автомата, теряясь в отверстиях для отброса газа.

– Боюсь, что мы этого никогда не узнаем. Скорее всего, был укушен во время одной из экспедиций за Стену. Вы же знаете, он был сторонником экспансии, постоянно участвовал в экспедициях по поиску пригодных для жизни районов. Так что... – Человек зябко повел плечами и снова развел руки. Было и правда холодно...

– Ясно! – Стас кивнул и огляделся, пытаясь выхватить в этой картине какую-нибудь деталь, знакомую с детства. Но умирание не оставило даже такого нелепого утешения. – Наверное, я здесь больше не нужен...

Он медленно сел в машину, потом, выглянув, предложил человеку:

– Хотите, оставлю вам свой термос? Там есть еще немного... относительно горячего кофе...

* * *

Он почти ничего не чувствовал, покидая тесные улицы Периферии. Не было боли, не накатывали волны печали, не давила тоска. Тот единственный срыв в голосе во время разговора с солдатом оцепления – вот и вся его реакция. А теперь в груди Стаса росла абсолютная пустота, неправильная, подменяющая реальность искусственным спокойствием, из которого тем не менее трудно было выбраться.

«Иногда искусственное реальнее настоящего, но верить ему не стоит. Доверять ему не стоит. Впрочем, со временем ты это поймешь, Стас, ты это осознаешь и научишься различать. Пока же поверь мне на слово...»

Он верил, и он научился, но сейчас так было проще. Да, неправильно, но проще, потому что он же человек, черт побери, он слаб. И если он допустит в себя правду, если даст себе право в нее поверить, принять ее, то придется останавливать «Студебеккер» прямо посреди пустынной трассы, вываливаться на асфальт под ледяной ветер «Санта-Моники» и выть, биться головой, рвать волосы, пытаться осознать неосознаваемое, принять невозможное, смириться с непосильным... Но он не остановил «Студебеккер», не изменился в окаменевшем лице. Только иногда прищуривался, усилием воли отгоняя от себя видение обветшавшего особняка. Он не желал, отказывался пропитываться этим воспоминанием и тем же усилием воли вызывал другое воспоминание – того дня, когда он, курсант-выпускник, покидал дом приемного отца. В тот год папа приказал слугам покрасить дом в светло-серый и белый цвета, и так же были окрашены обе беседки во дворе и чайный домик. В тот день ненадолго отступила осень и перестал лить дождь. Тучи расступились, и скупое октябрьское солнце затопило город, тысячу раз отразившись в лужах, окнах, витринах. Тогда здесь еще был город, здесь жили люди и никто не называл эти места Периферией. Чуждая новая природа не пыталась наложить свою лапу на владения человека, и человек... человек жил.

Стас помнил этот момент, помнил очень хорошо. Худощавый, несмотря на вынужденную трость удерживающий надлежащую осанку и наклон головы, отец стоял в дверях и следил за отъезжающей машиной. Откуда-то доносился едва различимый мотив Фреда Астера, и мир был красив как никогда. В этом мире нужно было жить, в этом мире и жили. И таким желал оставить в своих воспоминаниях дом отца Стас. Но приходилось все чаще щурить глаза, потому что врывающееся воспоминание лишенных стекол оконных проемов грозило растопить искусственную пустоту и выбросить воющего водителя на асфальт.

Дождь тем временем становился все сильнее, отбросив учтивость и принявшись в полную силу хлестать осмелившийся бодаться с ним автомобиль. Дворники сновали туда-сюда, сию секунду разогнать потоки воды, а «Санта-Моника» кружила вокруг дождевые водовороты. Поэтому, заметив в дожде пульсирующий неон вывески дорожного бара, Стас поторопился свернуть с дороги. Призывно светились окна бистро. За столиками сидели хмурые люди, и кухня, скорее всего, оставляла желать лучшего, но чем это было хуже одиночества в стремнине набирающего силу дождя? Стас припарковал машину на свободном месте и, придерживая шляпу, побежал к бару. И за несколько шагов успел основательно вымокнуть. Давненько он не попадал под такой дождь, а впрочем, там, где он жил и работал, климат был мягче и дожди не такие холодные.

Периферия – здесь всегда все не так, и, если сравнивать с какими-то другими районами, сравнение будет не в пользу этих мест.

Из-за плотной стены дождя и охлаждающего эффекта пробежки от «Студебеккера» к бару он не отреагировал, войдя внутрь, так, как отреагировал бы в любой другой ситуации. И вместо того, чтоб воскликнуть «О боже!» или «Мать твою, что за...», он всего лишь подумал про себя, что такого не бывает. Однако же вот оно было перед ним, место, чертовски напоминавшее другой бар. Тот назывался «Мертвый Чау-Чау», а этот – «Дорожная станция 01», но в остальном различия были минимальны: диваны вдоль автобусных окон, отделанные ярко-красным кожаным материалом, часы с перелистывающимися пластиковыми табличками для цифр, даже плакаты с пилотами крэш-болидов, причем с теми же самыми пилотами. Правда, они висели не в том порядке. Скажем, у двери должен был висеть портрет Поедателя Зомби, пилота МакЛарена, чемпиона десятилетней давности, а здесь висел постер с Танцующим Магом, последним, перед закрытием, чемпионом гонки на выживание.

– Эй, красавчик, ты там не заснул часом?

За стойкой стояла классическая увядающая красавица в обтягивающем свитере и с непослушной копной обесцвеченных волос. В свое время она запросто могла с такой внешностью наслаждаться недолговечной славой порнозвезды, но, скорее всего, большую часть жизни провела за этой или другой барной стойкой.

– Добрый вечер! – Стас сел за стойку и, не глядя на таблицу предлагаемых блюд, заказал стейк и стандартную чашку американского кофе. Когда барменша отправила листок с заказом в пневмотрубу, Стас не удержался и спросил:

– Простите, а вы случайно не знакомы с Бобом Гунером? – И, когда взгляд барменши наполнился подозрением, добавил: – Он когда-то владел очень похожим баром. Правда, в другом месте. Назывался «Мертвый Чау-Чау». Я там провел много времени после армии...

– Нет, красавчик, – тут же смягчила взгляд барменша, – к сожалению, не знаю. А если бы знала, то непременно дала бы тебе полный отчет.

Последняя фраза была сказана таким тоном и сопровождалась таким многообещающим взглядом, что стало понятно: речь идет не только и не столько об информации. Стас торопливо отвел глаза. Мрачные по случаю раннего утра дальнбойщики внимательно изучали содержимое своих тарелок. Стас перевел глаза на часы: пять утра. Он не спал почти двое суток. Но оказаться в постели увядающей пергидрольной красотки в день, когда он узнал о смерти своего приемного отца, это был тот уровень цинизма, на который Стас до сих пор не посягал. Однако, судя по всему, планы барменши шли вразрез с его.

– Зато мне хорошо был знаком мерзавец по имени Александр Файерберг, – сказала она, коснувшись его локтя. Стас вынужден был снова обернуться к ней и обнаружил, что она вся подалась вперед, водрузив на стойку свою почтительных размеров грудь. Судя по всему, несмотря на возраст, хозяйка держала грудь высоко далеко не за счет бюстгальтера.

– Э... Мне не знакомо это имя, – проговорил Стас после слишком очевидной паузы. «Хотя, – мелькнула в голове непрошенная мысль, – если мне действительно нужно уйти от этого сегодня, лучшего способа не найти...»

– Так звали моего отчима, – слегка жеманно поморщилась барменша, – до конца прошлого года он был хозяином этой дыры. А в декабре его печень приказала долго жить, прихватив вместе с собой и папеньку. Но я вовсе не опечалена. Александр Файерберг был редкостным сукиным сыном. Когда умерла мать, он плотно присосался к бутылке. Ну и начал позволять себе лишнее. Понимаете? – Барменша выразительно повела плечами. – Стал вести себя так, как не подобает хорошему папочке. Пришлось достать себе кольт, но бог миловал, и мой отчим отдал ему душу без моего участия.

– Вот оно что, – проговорил Стас.

– Ну да. – Барменша на секунду отвернулась – слишком медленно, чтобы Стас посмотрел на ее грудь, – к прилавку за ее спиной, где уже ждали заказанные Стасом кофе и стейк.

Стас наконец мог последовать примеру дальнобойщиков и внимательно изучить содержимое тарелки.

– У тебя потрепанный видок, – проворковала барменша. И Стас, подняв глаза, обнаружил, что та водрузила на стол оба локтя и, положив на сложенные ладони подбородок, с интересом разглядывала Стаса. В этом взгляде уже не осталось ни жеманности, ни наигранности, только четко читающееся намерение. – Если тебе негде передохнуть, – понизив голос, предложила барменша, – могу сдать тебе до полудня половину своей кровати.

– Э... – Стас сделал обжигающий глоток кофе и только тогда ответил: – Знаете... я не спал почти двое суток и могу вырубиться в любую минуту. Не думаю, что окажусь достаточно...

– Давай я об этом позабочусь, – покачала головой барменша и, выудив откуда-то из-под стойки ключ, положила его на стойку перед Стасом. – Допивай кофе и вали из бара. Как выйдешь, обойди здание слева. Там лестница на второй этаж, дверь одна, не перепутаешь.

Не стоит этого делать, подумал Стас и взял ключ. Кофе, кстати, был дерьмовый.

Ливень оказался не только обжигающе холодным, но и стремительным. Когда Стас вышел из бара, в воздухе стоял приятный запах свежести.

За углом свет окружающих барную стоянку фонарей словно отрезало, и Стас вновь вспомнил об окраине Периферии. Пришлось остановиться. Неожиданно накатила тошнота. Стас согнулся, упер руки в колени и крепко зажмурился. Дождь тут же намочил его затылок и голую шею, которые теперь не прикрывались широкими полями шляпы. Это помогло, ледяная пыль охладила голову, и Стас смог снова встать во весь рост. Не сегодня, упрямо подумал он. Не желаю думать об этом сегодня, не этим гребаным утром. Он решительно зашагал в обход здания, нашел лестницу, поднялся на второй этаж и открыл единственную ведущую с внешней площадки дверь.

После того как «нечистые» заболевания стали проникать за стены и оцепления, практически вся Периферия перешла на такие вот внешние, прилепившиеся к стенам домов лестницы. Что касается внутренних, то их либо намертво заложили, либо перестроили под часть квартир. Причина проста: недолюбливающие света «зараженные», все эти бедолаги, превращенные болезнью в упырей, ликантропов, тануки и неспособные бороться с голодом, зачастую прятались именно на внутренних лестницах домов. В основном, конечно, многоквартирных. Но если квартира находится над баром, то ловкой нелюди не представляет проблем пробраться и туда. Они ждали, изнывая от голода, сидя в темноте подъездов, и нападали на первого, кто подворачивался под клыки. Наверное, таким был и... Стоп!

Стас огляделся, стоя на пороге. Квартира была из так называемых малогабаритных студий. Межкомнатные стены были снесены, так что в одном углу примостилась кухня, в другом – душевая кабина, а у стены, лишенной окон, стояла кровать, которую масштабировали в расчете на небольшую оргию, надо полагать. Разумеется, все четыре окна были забраны частыми решетками. Стас усмехнулся, заметив, что над дверью и окнами висит несколько кустарного вида артефактов, что, впрочем, не мешало стандартному пульту тревожной сигнализации висеть на стене рядом с кроватью. Ну да, береженого бог бережет.

Кровать была самым роскошным украшением квартиры-студии. Стены были не обклеены и представляли собой голую кирпичную кладку. Кухонная мебель казалась заметно старше самих кирпичей, а высокий гардероб из некрашеной сосны был вроде как и вовсе лишним. Что-то вроде непрошеного гостя. Любовью к порядку хозяйка тоже не отличалась. На полу валялась какая-то одежда, белье пастельного цвета, непонятные коробки. Под одним из окон опасно накренилась стопка книг в мягких обложках. Раковина была полна немойтой посуды. Там же, в кухонном закутке, стоял холодильник со скругленными углами и огромной ручкой... Что-то из прошлого, из армейского, кажется.

Этим воспоминаниям Стас не препятствовал. Решил, что это будет приемлемым компромиссом.

Это было непростое, но славное время. Молодые курсанты, будущие офицеры Военно-морской академии, гардемарины. У них был комплект парадной формы и два – повседневной. Огромная казарма на двести коек и примерно такой же, как в этой неухоженной квартире, холодильник. Он не работал, и его использовали для хранения батальонной документации. Типа несгораемого шкафа. Славный парень капрал Ленц соорудил для холодильника петли и раздобыл где-то тяжелый амбарный замок. Только последний идиот не смог бы такой открыть, на что и рассчитывалось. Через четыре года, за год до того момента, как они должны были получить офицерские звезды, случился банковский крах на Уолл-стрит, потянувший за собой общемировой экономический кризис, а затем и войну. Их академию, кажется, расформировали, впрочем, Стаса там уже не было. По миру катили кровожадными асфальтовыми катками гражданские войны, целые регионы вымирали в голодных корчах. Обжитое человеком пространство принялось делиться, как клетки рака, так же стремительно и пагубно, на мелкие и недолговечные государственные образования. Никто и теперь не знает, где был очаг инфекции, но уж метастазы-то прошли по всему организму цивилизации. Капрала Ленца застрелили во время одной из политических демонстраций. Бар «Мертвый Чау-Чау» сожгли дотла. А приемный отец Стаса, Анатолий Бекчетов, потомственный русский дворянин, вернувшись по экстренному вызову из очередной экспедиции, обнаружил себя банкротом... Впрочем, все это было давно.

Стас сделал шаг в комнату, потом остановился, помедлил, думая, стоит ли разуться, вспомнил про дождь и стянул с ног ботинки. Он прошел к кровати, аккуратно переступая через разбросанные вещи, сел. Невольно усмехнулся: под покрывалами скрывался водяной матрас. Гигантских размеров водяной матрас. Просто океанариум. В нем запросто можно было содер-жать пару дельфинов. Если бы они, конечно, не вымерли к тому времени.

Дверь с легким шепотом открылась, и хозяйка квартиры переступила через порог. Красиво переступила. Красивая хозяйка. Свитер, видимо, остался в баре, и теперь женщина была только в длинном бежевом платье. Она, не глядя под ноги, прошла на середину комнаты, посмотрела на Стаса, огляделась и, пожав плечами, – дескать, что там тянуть, – легко скинула платье. Оно скользнуло маслянистой волной по телу и бесшумно упало на пол. У хозяйки бара оказались прекрасные сильные ноги, высокая крупная грудь и непослушные белые волосы, упрямо живучие, несмотря на всю химию, которой их пропитали. Живот был мягковат, а когда она медленно повернулась и пошла к душевой кабинке, то Стас увидел, что и зад ее не так тверд, как могло показаться. И все-таки она была чертовски красива. Невероятной, завораживающей красотой, настолько хрупкой, что напоминала о бабьем лете, о последних теплых днях, о том, что не сегодня, так завтра лужи начнут покрываться льдом, а трава и не успевшие облететь листья – инеем. Настоящая красота, которую от искусственной отличает только то, что она смертна, преходяща, тонка, как перекаленное лезвие: оно может разрубить шелк и сломаться, столкнувшись с горстью обыкновенных спичек.

– Так ты мне не расскажешь, что стряслось с тобой этой ночью? – подойдя к душевой кабинке и не оглядываясь, спросила хозяйка. – Знаешь, именно во время таких встреч и выкладывают все сокровенное. Потому что завтра ты уедешь, а я останусь. Мы никогда не встретимся, и, заметь, я даже не спросила твоего имени. И своего говорить не намерена.

– Зачем тебе это? – спросил Стас.

– Просто так. Мне не хотелось провести эту ночь в одиночестве, и мне хотелось секса...

– Сегодня ночью я узнал о смерти своего отца, – сказал Стас, и это оказалось легче, чем он думал. Правда, в горле вдруг запершило и стало труднее дышать.

Она медленно развернулась, прижавшись к кабинке спиной, и сказала:

– И это тоже доверь сегодня мне. Сам сможешь разобраться завтра, а сегодня положишься на меня. Я умею туманить память. Дай только выйти из душа.

И он дал ей это время, он ждал, когда она принимала душ, ждал, когда она шла через комнату, оставляя мокрые следы на полу, на разбросанной одежде и белье, ждал, когда она ложилась рядом. А потом перестал ждать и позволил затуманить память. Она и правда умела это делать. Если уж быть честным, она вообще многое умела.

...Когда время вернулось, было уже за полдень. Спросонья Стас не сразу понял, где находится, а вспомнив, стал оглядываться, но не увидел хозяйки. В окна все так же царапался дождь, потом, видимо у бара, припарковался страдающий одышкой грузовик. Стас поднялся, медленно дошел до душевой кабинки. На ней, прикрепленная скотчем, висела записка: «Спасибо за ночь. Даже не знаю, кто чей должник. Буду благодарна, если перед отъездом ты не станешь заходить в бар». Без подписи.

«Эй, смертнички! Не повымирали? Выглянул я тут в окно и чуть не подавился первой утренней сигаретой. Да, братцы, чем в это время жить, лучше уж вымереть ко всем чертям, как мамонты. Серьезно. Кстати, если верить метеорологам... Подчеркиваю – если верить, то нас ожидают те еще суточка. Дождей мы теперь не увидим долго. „Санта-Моника“ убралась ко всем чертям за Стену и унесла с собой ливни. Днем температура воздуха подскочит до двадцати пяти градусов по Цельсию, а ночью вряд ли опустится ниже двадцати одного – двадцати двух. Это так у метеорологов написано – „вряд ли опустится“. На небе не будет ни одного спасительного облачка, а про осадки можете и не вспоминать, неудачники. Загрязнение городской атмосферы останется в пределах нормы... И, судя по всему, вон те дымовые шапки в районе супермаркетов – это нормально. Дышите, родные, на всю жизнь все равно не надышались. Хотя, может, это что-то горит? А ну, кто там сейчас проезжает у супермаркетов, давайте, оторвите свои задницы и потратьте пару кредиток на телефон. Позвоните добряку Халли, расскажите, что да как. Ну а пока вы там не позагибались хором, я подкрашу ваши никчемные жизни легендарной композицией Рики Нельсона „Travellin man“. Let's go, или, как говорят минеры, саперы и посетители борделей, с богом!»

На похоронах присутствовали десять человек. Из них пятеро были кладбищенскими служащими. Пришли Бруно, Скальпель и Шрам – друзья Стаса еще с академии. Сам Стас. А также Захария, старый согбенный слуга Бекчетова, который после банкротства хозяина испросил позволения покинуть того и отправиться на заработки. У Захарии была семья, ее нужно было кормить. Вот и все, больше никто не пришел. Ни бывшие верные друзья-аристократы, ни ученые, жившие за счет состояния Бекчетова, ни представители правительства. Не было даже надоедливых журналистов: кому нужно было читать про забытого всеми идеалиста на общественных началах?..

Утро было прозрачное и наполненное намеками на грядущий зной. Стас чувствовал себя неуютно в черном шерстяном костюме. Он переминался, стараясь не смотреть на провал могилы, а вязкие капли пота стекали по спине. Днем с неба спустится настоящий ад со всеми своими жаровнями.

Русское православное кладбище было мрачно, мрачнее, пожалуй, даже, чем прилегающее еврейское. Белесое небо без единого облачка висело над ним натяжным потолком, и чахлые деревья в оградках тянулись рахитичными ветвями. Они не давали тени. Через одну могилу, у железного, покрытого заплывами ржавчины обелиска молча пил одноногий калека. То ли поминал сослуживца, то ли просто нашел спокойное место с лавочкой.

Комья земли ударили о крышку гроба, рассыпались на мелкие комки. Шрам скрутил крышку с фляги и, сделав долгий глоток, передал ее по кругу. Три года подряд, в курсантские времена, они гостили летом у Бекчетова. И тот терпеть не мог всех этих армейских прозвищ. Он называл их полными именами и даже добавлял фамилии. Это была старая школа, и теперь она умерла, она уже тогда перестала быть актуальной, но умерла только сейчас.

Умерло многое, и среди могил за спинами друзей можно было найти несколько имен из их курсантского батальона. Они воевали на разных фронтах, за разные стороны, потому что сторон было много, а их мало, и каждый искал виноватых и правых, и невозможно было остаться в стороне. А им, юным, недоучившимся курсантам морской академии, и подавно. Они же тогда были пацанами, они верили, что их участие определяет будущее, и не могли позволить будущему родиться за окном, за стенами, где-то там. Только здесь, только сейчас, только при их участии. По крайней мере в первые дни... А этих «здесь и сейчас» было великое множество. Пятиминутные государства, калифы на час, спонтанные военные союзы, внезапные нападения и неадекватные ответные действия. Их разбросало тогда по фронтам, по идеям, по верам. А свело все равно здесь. Не всех, многие так и лежат там, на полях минувшей войны, до которой сегодня почти никому нет дела. Из всего курса остались только они и еще один курсант, ныне священник. Остальные либо по всему миру, либо где-то тут, на православном кладбище, или за стеной на еврейском, а может, через дорогу на католическом. Здесь и сейчас кладбищ много, могил не счесть. Да и они-то сами лишь в шутку оказались живы. Жизнь вообще казалась розыгрышем, а смерть – самым серьезным делом. И вот они стояли, изменившиеся, повзрослевшие, пошедшие уже морщинами, сединой, залысинами, а за спиной горели имена, выгравированные прямо на прошлом. По живому. Словно кто-то протрубил общий сбор, только в шутку. Кто-то разыграл четырех стареющих гардемарин, так и не ставших морскими офицерами.

– Славный был старикан, – вздохнул Скальпель, передавая флягу.

– Приходи вечером в «Долину», – сказал Стас, – Ауч придержит нам столик.

– Я постараюсь. У меня назначена операция, но должен успеть. В крайнем случае опоздаю...

Скальпель стоял в рубашке, закинув пиджак за плечо. Теперь он стал хирургом, получив бесценный опыт в полевых палатках. Разработал свою систему анестезии при ампутациях в условиях военно-полевого госпиталя. Дважды попадал под бомбежку, был ранен осколком в горло, чудом выжил. Пожалуй, из всех четверых сегодня он наиболее прочно стоял на ногах. Его приглашали на ученые собрания, он даже участвовал в каком-то правительственном комитете по вопросам здравоохранения. Готфрид Уоллис имел хоть какой-то вес, к тому же был богат. Но каждую пятницу он приходил в «Долину», где хозяин по имени Арчи и по прозвищу Ауч держал им кабинку. И там, в «Долине», Готфрид Уоллис становился снова Скальпелем, любил напиться и потравить анекдоты про губернатора и его жену.

Бруно... Самуил Брунер проработал последние двенадцать лет в полиции, в отделе преступлений, связанных с несовершеннолетними, едва не спился. В конце концов сдался, вышел в отставку и теперь работает вышибалой в борделе «Живой уголок». Отрастил пузо и тяжеленные кулаки, утратил привычку улыбаться и приобрел в собственность огромный «Харлей». Говорят, выбил за долги. Во время войны прошел вместе с толпой свихнувшегося философа Кьеркегора до самого Амстердама, где вместе с этой странной армией и был разбит наголову. Причем в случае Бруно, в прямом смысле – он получил контузию, и это спасло ему жизнь: добивавшие раненых на поле боя сочли его мертвым. Целую ночь он полз по трупам, а с рассветом стащил с мертвого врага форму, переделался и отправился в бега.

Шрам... Андрей Чадов, с жутким шрамом через все лицо от левого глаза, навеки обреченного на смешливый прищур, до правой скулы, через изуродованный нос. Работал техником в мелкой автомастерской. А до этого прошелся по нескольким фронтам, плавал на военных кораблях, летал штурманом на боевом дирижабле, потом в горном селении попал в окружение и был расстрелян. Неудачно. Пьяный офицер, командовавший расстрелом, заметив, что тот еще жив, решил довершить дело ударом шашки. Трудно сказать, то ли удар был неумел, то ли череп у Шрама оказался крепче стали...

Но они выжили, вот в чем шутка... Вот в чем странность.

Стас кивнул могильщикам и, отвернувшись, пошел к дороге. Друзья последовали за ним, только согбенный Захария остался стоять у могилы хозяина, изредка вздрагивая от сухого плача. Стас словно окаменел, хотя понимал, что это ненадолго. Откуда-то изнутри поднималась горячая волна боли, и удерживать ее было уже невозможно. Сил не осталось. Все было теперь иначе, не как тогда, в дороге от Периферии. Он только хотел остаться один, не хотел показывать даже друзьям, как его душит бессилие.

Но его не хватило. Уже на дороге согнуло, словно от удара в живот. Стас глухо взвыл, сгреб обеими руками шляпу и зарылся в нее лицом. Чья-то рука легла на плечо, но никто из друзей не сказал ни слова. Они многое утратили за время войны и последующих лет, а научились очень немногому. Но право на плач оставалось за каждым. Иногда это было единственной собственностью человека в окопах, в холодных квартирах, в очередях, на биржах труда. Даже потом, когда жизнь успокоилась, а смерть наелась до отвала, даже потом у человека оставалось это право.

В руку сунули флягу, глоток водки обжег гортань.

– Стас, приятель, надо идти, – проговорил, присаживаясь на корточки, Скальпель.

– Как мне жить с этим? – шепотом спросил Стас.

– Тяжело. – Скальп покачал головой. – И это уже не пройдет. Станет слабее, но не пройдет никогда, старик. Но как-то жить надо. Я не советчик в таких делах, никто не советчик. Но иначе нам всем не стоит уходить с этого кладбища. Пойдем, старик, а вечером напьемся и разгоним чертей. Для начала... А там посмотрим, как быть.

Они разъехались в разные стороны. Спасать людей, чинить автомобили, отсыпаться перед ночной сменой в борделе. Такова была жизнь, и такова была смерть. Лишь сутулая фигура у могилы без памятника все еще маячила какое-то время в набирающем обороты зное, но и старый Захария в конце концов покинул хозяина – на этот раз навсегда. Захарии нужно было идти на площадь Лафалеттов, где в цокольном этаже детской библиотеки он снимал маленькую каморку, заваленную чужой обувью, рулонами кожи и прочей сапожной атрибутикой.

* * *

Марк Гейгер был легендой послевоенного сыска. А выглядел как давно не спавший крысopodobный болван, с желтушной кожей и пронзительными иглами глаз, лишенными ресниц и бровей. Пять лет назад он заразился, но успел осознать это прежде, чем голод превратился в единственную цель и убил в нем человека. Он дополз до больницы, где ему сделали экстренный диализ: других способов очистки крови от заразы тогда не было. Позже ему пришлось пройти несколько курсов химиотерапии и облучение. Марк Гейгер был еще и легендой послевоенной медицины, упомянутой во всех трудах этого периода. Один из пяти выздоровевших и единственный, проживший после излечения больше трех лет. Хотя лично Стас всегда ставил под сомнение факт выздоровления. Так или иначе, выйдя из больницы, Гейгер в течение года довел жену до состояния, близкого к нервному срыву. Она собрала вещи и перебралась к родителям. К счастью. С детьми Гейгер не виделся, не вспоминал о них прилюдно и не выставлял на рабочий стол их фотографии. Коллеги, включая руководство, старались свести общение с ним к минимуму, а за глаза его называли исключительно Ублюдком.

Но Марк Гейгер являлся единственным в своем роде специалистом по серийным убийцам. Он не проиграл ни одного дела. Он вычислял, находил, настигал. В его жизни больше ничего не было, но многие ли могут похвастаться, что единственное, что они умеют по-настоящему, они делают так же блестяще? Слабое оправдание характеру и ненависти окружающих. И все же... Когда Стасу на прошлой неделе сообщили, что его на какое-то время передают в

отдел Гейгера, первое, что он почувствовал, – радость. Черт с ним, с Ублюдком. Настоящее дело, то, ради чего стоило браться за карьеру детектива, то, что имело смысл.

Все это было до звонка с Периферии, до жуткого дождя, оборвавшего нестерпимым звоном, до очереди в морге при Академии криминалистики. До похорон...

Неделя. Иногда это семь страниц отрывного календаря, семь похожих один на другой дней, семь отрезков жизни, не оставивших по себе памяти. Семь дней, пролетевших незаметно, бессмысленно, так, что их могло и не быть. Но бывает, что каждая минута недели стоит семи дней, а дни растянуты в тысячелетия. Они плаваются, как горящий пластик, они мучительно долго собираются в каплю, прежде чем кануть в зловонном океане прошлого. И они прожигают то решето, тот фильтр, что отсеивает зловонное и гадкое и отправляет его в беспомыслие, а памяти оставляет лишь куски покрупнее: моменты радости, моменты самых сильных переживаний, моменты удач и промахов. А тут один сплошной момент памяти, настолько большой, что не может протиснуться в отверстия решета, и настолько горячий, что оставляет ожоги на внутренней поверхности черепа.

За эту неделю сошли на нет затяжные дожди мая, утихла «Санта-Моника», рассеялись тучи. На крышах домов раскрылись бутоны солнечных батарей. Небо вновь бороздили собирающие энергию дирижабли, огромные, покрытые зеркальной чешуей туши. Между ними сновали легкие бипланы гражданской эскадрильи «Экзюпери» и мелкие, раскрашенные во все цвета радуги самолеты частных авиаэскадрилий. Они иногда терялись на фоне огромных зеркальных тел, а на посадочных площадках, оборудованных прямо на дирижаблях, могли уместиться сразу пять таких аэропланов. Город усеяли солнечные зонты шантанов. Вышли на торговые маршруты лоточники с сельтерской, квасом, лимонадом. Дамы вновь вернулись к ментоловым сигаретам и отказались от мехов.

Тысячи вещей могут произойти за одну короткую неделю. Сколько детей родилось в эти дни? А сколько человек разного возраста оказались на глубине двух метров в деревянных ящиках? Почему, по чьей вине? И была ли в этом чья-то вина? Сколько благих дел могло быть совершено за короткие семь дней? И сколько преступлений скрыла завеса неизвестности, хитрого разума, бесчеловечная расчетливость, которая только человеку и свойственна? Стас этого не знал и никогда не задумывался над этим. Раньше. Семь дней назад. Он не считал события, он принимал их, жил в их кружении. Так живут все до того момента, когда оплеуха судьбы ставит жирную точку в том, что было до, и тем, что случится после. Но человек – всегда человек. Пройдет немного времени, и человеческая память обратит точку в запятую. Так сложилось, и это почти всегда к лучшему.

Стас ехал в крайнем правом ряду, стрелка спидометра лениво болталась в районе отметки 30 км/ч. Ему необязательно было выходить на работу сегодня, Моралес дал ему восемь суток отгулов. Как и всякий старый солдат, он понимал, что такие события стоит заглаживать парой, а то и тройкой бутылок чего-нибудь обжигающего. Но Стас боялся пить в одиночку. Алкодемон никогда не приносил ему утешения таким образом, порождая в расслабленном разуме чудовищ и комплексы. К сожалению, Скальпель и Шрам не могли сорваться с работы раньше вечера, а раз так, Стас решил не дергать и Бруно. Он отправился в Управление. Нужно было срочно замусорить голову рутинной следствия, возвести преграду, которая, похоже, лопнула тогда, на водяном матрасе увядающей барменши. Нужно было вымотаться до отупения, а потом залить глаза, зная, что рядом три друга, способные заткнуть пасть и надрать задницу любому чудовищу.

Улицы в этот час были уже не так забиты, как ранним утром. Движение, впрочем, по всему городу стабильно держалось в состоянии «затрудненное». Стояла влажная духота, и если солнце не могло повсеместно пробиться ко дну улиц-ущелий, зажатых между шестидесяти-семидесятиэтажными небоскребами, то уж липкая духота царствовала здесь, как у себя дома. Стас включил радиолу, дав возможность цинику Халли заполнить тишину эфира

неподражаемым музыкальным сопровождением, какое невозможно было найти ни на государственных радиоканалах, ни в музыкальных магазинах, ни даже у распространителей нелегальщины. Казалось, песни и исполнители, которые ставил этот неуловимый радиопреступник, существуют только в его коллекции. Радио «Хоспис» было запрещено минимум тремя приказами, его диджея разыскивала полиция, лично губернатор посвятил однажды воскресную речь пагубному влиянию некоторых так называемых культурных продуктов, в числе которых, помимо прочих, указал несколько мультипликационных сериалов, фривольные постановки театра AnigaV и радио «Хоспис». Немудрено, что аудитория старины Халли составляла едва ли не 70 % от общего числа слушателей. Стас с друзьями любили по пятницам распивать в «Долине» под пронесенный втихаря транзистор, слушая музыку, которую не крутило ни одно другое радио, сальные шуточки Халли о властях предрержащих и общей обстановке в городе и преподносимые в неожиданном ракурсе новости.

Но сегодня Стас никак не мог сосредоточиться на голосе диджея. В нем то и дело раздувалась волна раздражения на все вокруг и на себя в центре всего. Его «Студебеккер» трижды замирал на долгое время: дважды у новых бестолковых светофоров в четыре цвета и один раз на железнодорожном переезде. По рельсам раздражающе неторопливо прогрохотал состав из открытых вагонов с какой-то техникой, укутанной в брезентовые чехлы. Зигмундштрассе перегородили, заставив плотный поток автомобилей двигаться неудобным объездным маршрутом через набережную Гете и площадь Иосифа. В конце концов оказалось, что за неделю произошло еще одно изменение: закрытый для частного транспорта диаметр центра города увеличили еще на две улицы. А Стас забыл дома пропуск. Пришлось искать новую стоянку, и, естественно, ближайшие оказались забиты под завязку, а там, где места еще оставались, драли три шкуры. Наконец, когда нагловатый пролетарий из охранников выставил цену в четыре кредита за полдня, Стас решил спустить псов, выхватил из внутреннего кармана значок и с удовольствием трижды лупцанул им наглого обиралу по лбу. Разумеется, место сразу же нашлось, причем за стандартную цену, и даже чек был выписан по всем правилам.

В Управлении Стас появился в одиннадцать, прошел пустым прохладным вестибюлем к лифтам, поднялся под бравурную музыку на третий этаж. И первое, чем был встречен, – это холодный взгляд Гейгера.

– Бекчетов?

– Да.

– Мне сказали, что в связи с личными причинами вы появитесь только завтра.

– Личные причины – это похороны отца. Я решил выйти сегодня.

Гейгер отвернулся к бумагам.

– В таком случае не стоило опаздывать на три часа, детектив.

– Я...

– Бумаги по делу на стенде. Через час общее собрание группы. Буду благодарен, если вы не станете меня сейчас отвлекать.

Вот и все. Марк Гейгер, сукин сын и начальник Стаса на ближайшие дни.

* * *

Из бумаг по делу ничего нового для себя Стас не вытянул. В течение недели некий снайпер убил шестерых человек в разных регионах подконтрольной человеку территории. На первый взгляд никакой системы по точкам убийств не наблюдалось. Преступник использовал разрывные патроны, снабженные микрокапсулами с мощной кислотой TTN-2. Благодаря этому установить личности пятерых жертв не удалось. Гибель шестого видела супруга убитого, она и вызвала полицию. Погибший – Хаим Брускин, польский еврей, инженер небольшой компании, специализирующейся на заказных автомобильных двигателях. Ничего примечательного.

Мирный обыватель из яйцеголовых, слегка не от мира сего, хобби – домашняя кулинария. Жена утверждает, что врагов у покойного не было. На работе Брускин был тише воды, ниже травы, исполнительнее осла, да к тому же и нетребователен. Идеальный раб. Последний раз ему поднимали зарплату два года назад, за это время инфляция съела ее на 30 %, а руководство примерно на столько же увеличило обязанности Брускина. Но он работал и не роптал. Может, за это его и вальнул придурок с оптическим прицелом. Чтоб убрать из мира эту пародию на идеал. Пули были самопальными, но специалисты считают, что преступник использовал старую, снятую с производства модель снайперской винтовки «Сузуки». Что, в общем, тоже ни о чем не говорило. Может быть, убийца был старым солдатом, сохранившим сувенир со времен войны и не поставившим винтовку на учет согласно указу десятилетней давности, а может быть, юным кретином-школьником, еле насобиравшим денег со школьных обедов на этот допотопный агрегат. Впрочем, Стас отдавал себе отчет в том, что при его мизерном в этой теме опыте время для выводов еще не настало. Прежде всего нужно будет внимательно слушать то, что выскажут старшие детективы и особенно Гейгер, который на таких делах собаку съел. В конце концов, и это Стас тоже понимал, его причислили к группе в качестве черной рабочей силы. Грязная работа, слежка, засады, наблюдения, принеси то, передай это, выясни вот то. Все с этого начинали. И не важно, что ему уже, собственно, поздно начинать. Практически все его поколение живет с опозданием. Так уж судьба распорядилась.

Разобравшись с бумагами, Стас нашел стол со своей табличкой. Кто-то уже перенес сюда все его вещи, включая фотографию отца... Это был старый, слегка уже посветлевший краями снимок – кусок другого времени: Анатолий Бекчетов был в мундире дворянского научного общества, а Стас – в форме гардемарина первого года обучения... Вдруг навалилась невероятная усталость. Эмоции порой выжимают человека сильнее физического труда. А усилия, которые человек прикладывает для того, чтоб эти эмоции подавить, тем более. Стас снял пиджак, повесил его на спинку стула, огляделся и нашел глазами кофейник.

Стас наполнил стакан, вышел на лестничную площадку. Через минуту по лестнице спустился старший детектив Югира, также приписанный к группе Гейгера. Он был похож на яйцеголового: худой, низкорослый, к тому же на носу сидели очки с такими диоптриями, что, казалось, эти раскосые глаза просто не могут уместиться на черепе.

– Слышал о твоём отце, – сказал Югира, – мне очень жаль.

– Вы его знали? – спросил Стас.

– Нет, но я читал все его работы. В свое время я работал в одной из групп экспансии... Однако мне не пришлось с ним встречаться. Я бывал в штабе экспедиций, но ваш отец не был кабинетным человеком.

– Да... – Стас понял, что не знает, о чем еще сказать, да и не хотел развивать эту тему. – Вы тоже теперь в группе Ублюдка?

– Да, подал рапорт, как только узнал об этом деле.

Солнце преломлялось стеклами окна и заставляло дым плясать в своих объятиях. Где-то ниже этажом громко хлопнула дверь, процокали каблучки и затихли.

– Пожалуй, сделаю себе тоже кофе. – Югира поклонился и вошел в аудиторию, отданную группе Гейгера.

Во время войны остатки разбитого отряда, которым командовал Стас, вылетел на группировку желтолицых. Почти ни у кого не было патронов, а когда кончились последние, началась рукопашная. Самураи повыхватывали длинные прямые мечи, а ребята Стаса работали штыками. Будь их чуть меньше, япошки могли и победить. Отличные были бойцы. Когда в живых остался только их командир, он обратился к Стасу на ломаном языке и попросил права умереть так, как положено умирать командирам, проигравшим битву. Стас позволил. Японец точно так же, как секунду назад Югира, поклонился, выхватил короткий меч и вспорол себе живот.

Сколько бы ни прошло времени с тех пор – недели, месяцы, годы, – войну все равно будут помнить те, кто ее пережил. С этим бесполезно бороться, это можно только принять. И Стас принял. Давно уже принял. Он никогда не спрашивал, на какой стороне воевал тот или другой человек, он вообще старался не заводить разговоров о войне. Но это ничего не меняло. Теоретически все войны рано или поздно заканчиваются. Одним нужна капитуляция, другим – взорвавшаяся гневом природа. Последняя похожа на пожар, от которого твари бегут, не разбирая роду и племени, первая – на коммерческий договор. Есть и другие варианты, но действительность такова, что война – это такой ресторан, который закрывается с уходом последнего клиента. Пока жив хоть один солдат, хоть один беженец, хоть кто-то, помнящий войну не по книгам и киносводкам, война не кончится. Даже если десятилетия не звучат выстрелы, война продолжается. Сайонара...

* * *

Это здание проектировал знаменитый архитектор Шарль Бурлеск, и изначально оно предназначалось для университета. Француз справился с задачей блестяще, как, впрочем, всегда. Не повезло ему лишь в одном. Здание было построено летом 1918 года, а осенью того же года волна смятения, прокатившись сначала по сырьевым и финансовым биржам, выплеснулась на улицы. В течение следующих девяти лет молодые люди учились только одному – искусству выживания в условиях, при которых большинство других представителей рода человеческого категорически не могли это сделать. В университетах нет таких дисциплин. Многие прекрасные творения цивилизации людей были смыты той волной, но территории, где война разгулялась в полную силу, остались за Периметром, окружающим так называемую Периферию. Города, которые ныне подпадали под юрисдикцию Второго Периметра, война не уничтожила, хотя и оставила по себе память многочисленными шрамами и кровоподтеками. Над городом поочередно развевались то черный флаг анархистов, то зеленый стяг исламистов, то клетчатый штандарт Шахматных Королей. Все это были даже не воинские соединения, а мелкие банды, какое-то время контролировавшие город. Последнее полотнище, побывавшее на шпилье в годы войны, носило изображение серпа, молота и шапки клошара. Тогда здесь правила шайка «Револьсьон». Она-то и сложила оружие при приближении регулярных сил отступающей под натиском природы объединенной коалиции. Почти все бойцы шайки были прощены, подпав под амнистию, и тут же призваны в ряды вооруженных сил. Да и, право, не так уж много бед они принесли по сравнению с другими бандами. Во всех этих перипетиях здание Шарля Бурлеска устояло. Его стены и по сей день носили выщербленные раны от выстрелов, а прекрасные витражи навсегда были потеряны и заменены обычными стеклами. Да и студентов здесь так и не увидели, разве что студентов юридических факультетов, присылаемых сюда на практику разгребать архивы и прочую бумажную пыль. Но оно выстояло, и оно по-прежнему было величественно и монументально, и территории вокруг него все так же не видели прямого солнечного света. Семь лет назад здание было отдано в распоряжение Управления юстиции Второго Периметра.

Что же касается Стаса, то он был благодарен Шарлю Бурлеску хотя бы за ту прохладу, которую хранили стены больших и малых аудиторий. Переименовывать которые, к слову, никто не собирался, их так и называли: аудитория отдела по борьбе с терроризмом, аудитория парамедицины, аудитория для работы с общественностью и т. д.

В смотровой (Стас понятия не имел, для чего она предназначалась изначально) было сумрачно. Узкие окна не пропускали достаточно света, а лампы, редко свисающие с высокого потолка, не могли осилить объема помещения. Единственным ярко освещенным (в силу архитектурных особенностей аудитории) местом была центральная часть амфитеатра, которую попирали в данную минуту Марк Гейгер, он же Ублюдок, он же легенда послевоенного сыска. На

него были обращены взгляды двенадцати детективов разного срока службы, и воздух дрожал от противоречия: собравшиеся одновременно боготворили своего временного начальника и ненавидели его, желали ему скорейшей смерти и мечтали работать под его руководством вечно.

– Думаю, вы уже ознакомились с тем малым количеством деталей, которые нам известны по делу, – проговорил Гейгер, обводя скучающим взглядом собравшихся, – в противном случае вам стоит покинуть это помещение и больше сюда не возвращаться. Говоря о помещении, я имею в виду не данную аудиторию, а здание в целом. Не стану скрывать, когда я увидел список детективов, приданных мне по этому делу, я был разочарован. Лишь немногие из вас имеют достаточный опыт, что же касается характера преступления, то специализации, подобной моей, не имеет никто вообще. Моя бы воля, я бы работал один. Но руководство настояло, упирая на то, что данное расследование будет неплохим практическим занятием. Другими словами, господа, я ваш профессор, и я по своему желанию отстраню от занятий любого школяра, кто будет путаться под ногами или окажется недостаточно сообразителен. И мне плевать, если школяру окажется за пятьдесят и у него за спиной десяток лет работы в сыске. Это мое дело, моя территория.

– Ветер в спину, – еле слышно выругался сосед Стаса, светловолосый парень, которого Стасу до этого не приходилось встречать.

– По делу... – монотонно, все с тем же выражением невыносимой скуки продолжал Гейгер. – На первый взгляд... Расшифрую – как это видится руководству... Мы имеем дело с серийным убийцей. Мне так не кажется. На настоящий момент сложно делать уверенные выводы, но мне не удалось обнаружить никакой последовательности действий, никакого ритуала. А это основа для серийного убийства. К тому же утверждению нашего уважаемого руководства, – Стас при всем желании не смог бы выдать из себя столько сарказма, сколько прозвучало в голосе Гейгера при слове «уважаемого», – противоречит тот факт, что убийца заботится о сокрытии личности убитых. Это нелогично. Нелогично для маньяка со снайперской винтовкой. Серийные снайперы не конкретизируют жертвы, для них это не важно. Есть только две группы серийных убийц, для которых смерть – вторичный факт. Минеры и снайперы. Для снайпера важна не столько смерть, и тем более не столько смерть какого-то определенного человека, сколько сам факт выстрела. Он – бог-вершитель с винтовкой в руках. Он показывает свою силу, он хочет, чтоб о ней знали. Он показывает не то, что способен убить, а то, что он владеет винтовкой на том уровне, который позволяет направлять судьбы. Многие серийные снайперы намеренно усложняют себе задачу, выискивая точки, совершить убийство с которых не так легко. Например, места, где дует переменный ветер, или места с плохим обзором. Он, преодолевая трудности, делает свое дело, он бог, для него не существует препятствий. Выстрел – вот что главное для серийного снайпера, великолепный, безупречный выстрел. Личность жертвы не имеет никакого значения. На будущее: примерно то же самое касается и минеров. Отличие одно – для некоторых серийных взрывников важно количество жертв. Но личность опять же не имеет значения... Наш снайпер уничтожает лица. Зачем? Возможно, это подпись убийцы, его фирменный знак... Но я так не думаю. Тем самым он конкретизирует жертву. Делает ее ключевой фигурой. Ее, а не себя, не выстрел. Это не вписывается в образ серийного снайпера. Впрочем, я не исключаю, что такая возможность существует. Человечество породило столько пороков, что, попадая на почву безумия, они порой прорастают самыми неожиданными всходами... Люди в целом – довольно безликая масса, но в моменты яркого проявления чувств иногда начинают удивлять подобием индивидуальности. Каждый из вас может оказаться однажды на месте разыскиваемого нами преступника, но я, при всем моем опыте, даже узнав вас ближе, чего я, к слову, делать не намерен, не смогу заранее сказать, к какой категории серийных убийц вас прийдет. На все воля случая, и именно случайности определяют направленность и почерк серийного убийцы. Именно случай, и только случай. Встав же на тропу, они, увы, теряют индивидуальность и... подпадают под определения. Впрочем, не

волнуйтесь, если на той тропе окажется кто-нибудь из вас, рано или поздно он встретит меня, а уж я провожу его на электрический стул.

– Ветер в спину, – снова прошептал сосед Стаса, – вот же ублюдок.

– Поскольку меня обязали вас учить, – лицо Гейгера на секунду скривилось недовольной гримасой, – я посвящу один час основным аспектам моей работы. Не думаю, что это принесет пользу. Если во Втором Периметре появится серьезный маньяк, все равно вызовут меня. Но я получаю за это деньги, к тому же, работая со мной, вы должны знать как минимум основы, иначе начнете плавать. Итак...

Термин «серийное преступление» приписывают Роберту Ресслеру. Мне приходилось с ним общаться. Редкий зануда, но дело свое знал. Мы называли его Сукиным Сыном, так же как вы за глаза называете меня Ублюдком. И все же утверждение, что именно он является прототипом Джека Кроуфорда из «Молчания ягнят» и «Охотника на людей», лично я считаю смехотворным. Ресслер сформулировал определение... эээ... следующим образом. – Гейгер нацепил на нос старомодные очки и, отведя руку, зачитал: – «Серийное преступление – это многоэпизодные преступные деяния (количество эпизодов не меньше трех), совершаемые одним субъектом по неочевидным мотивам, в ходе которых объектом посягательств оказывается человек, ранее незнакомый субъекту, а время между эпизодами убийств превышает интервал, необходимый для эмоционального охлаждения субъекта после совершения деяния».

Отчеканив эти слова, Гейгер снял очки и осмотрел аудиторию. Стас, как и многие другие, сидел, пораженный тем фактом, что Ублюдок, судя по всему, учился у самого Золотого Роби, агента тогда еще существовавшего ФБР, по учебникам и делам которого учились все нынешние детективы. Гейгер пожал плечами и продолжил, вернувшись к усыпляющей монотонности:

– Ресслер знал свое дело, как я уже сказал. Но я знаю его еще лучше. Именно я составил список неоднократных убийств, которые стоит отделять от серийных преступлений: заказные убийства, ритуальные убийства, убийства во время военных действий, многоэпизодные убийства, целью которых является завладение материальными ценностями, групповые (массовые) убийства, совершенные в течение короткого времени под влиянием аффекта или по другим причинам (террористические акты, школьные расстрелы). Несмотря на безусловную логичность данного утверждения, не всегда легко отличить неоднократные убийства от многоэпизодных. Существующая классификация, особые приметы, характерные детали – вот что станет вашим оружием в ближайшее время. Я разделяю многоэпизодные убийства на следующие подразделы: серийные, массовые, запойные, или цепные. Вторые характерны тем, что они производятся в короткое время, иногда в течение нескольких часов, и в одном месте. То есть факт эмоционального охлаждения отсутствует. Большинство массовых убийц кончают жизнь самоубийством после совершения преступления. Запойные, или цепные, убийства производятся в течение более продолжительного периода времени, до нескольких дней, в разных местах и также без периода эмоционального охлаждения. О серийных я уже сказал. Существует мнение, что к серийным убийствам следует относить лишь те, что были совершены на сексуальной почве. Я с этим категорически не согласен. Секс – лишь один из возможных мотивов, но не только секс заставляет людей убивать... Далее. Серийные убийства классифицируются по мотиву и по методу.

Стас вдруг обнаружил, что торопливо записывает за Гейгером в своем рабочем блокноте. Осмотревшись, он увидел, что почти все достали свои блокноты, а Югира пришел со стандартной ученической тетрадью. Аудитория Шарля Бурлеска наконец выполняла свою истинную функцию. Правда, лекция была несколько жутковата...

– Существует четыре группы убийц по мотиву. Охотники за властью – наиболее часто встречаемые. Их цель – утверждение собственного превосходства над беспомощной жертвой и как результат компенсация ощущения собственной неполноценности. Вторая группа – гедонисты. Они совершают убийства ради получения сексуального удовлетворения. Третьи – визи-

онеры. Представители данной группы серийных убийц нередко страдают шизофренией. Это убийцы с клиническим бредом и галлюцинациями. Ну и, наконец, миссионеры – убийцы, считающие себя мстителями, очищающими общество от скверны: проституток, гомосексуалистов, представителей той или иной национальности и так далее. К сожалению, эта классификация не идеальна, поскольку нередко одного и того же убийцу можно отнести к нескольким группам. Пример – Джек Потрошитель. Он вполне мог быть одновременно и миссионером, воображающим, что избавляет город от проституток, и гедонистом, получающим от убийства сексуальное удовлетворение.

Второй класс – убийства по определенному методу. Их делят всего на две группы: организованные и дезорганизованные.

Аудитория сохраняла такую гробовую тишину, какой редко удостоивался здесь любой другой докладчик. Даже во время собраний, проводимых руководителем Управления Айком Моралесом, люди позволяли себе откашливаться, скрипеть стульями, перешептываться. Но когда говорил Ублюдок, только редкий шорох бумаги и скрип грифелей или перьев ручек нарушали тишину.

– У организованных серийных убийц всегда есть четкий план действий по выслеживанию и убийству жертвы. В том случае, если план дает осечку, подобные убийцы способны отложить его выполнение. Другими словами, они держат свои стремления под контролем. Такие убийцы имеют средний или выше среднего интеллект, они относительно хорошо адаптированы в социуме, однако имеют глубокие расстройства личности. Иногда организованные убийцы теряют контроль над своими действиями и переходят во вторую группу. Дезорганизованные убийцы отличаются, как правило, наличием тяжелого психического заболевания или умственной отсталостью. Они не выслеживают жертву специально, никак ее не обрабатывают, попросту убивая первого встречного. Именно к таким убийцам принадлежит большинство «зараженных». Дезорганизованные убийцы не пытаются скрыть улики, они социально не адаптированы, чаще всего безработные или занимающиеся трудом, не требующим высокой квалификации и общения с людьми.

Что касается нашего с вами подопечного, то, будь он серийным убийцей, его следовало бы отнести к двум, а то и трем категориям сразу. Естественно, он работает по методу, и, естественно, он организован. Также не стоит исключать тот факт, что им движет некий мотив.

На этом лекция закончена, господа детективы. Нашей основной задачей на данный момент будет установление мотива или того, что движет убийцей. Узнаем, что толкнуло его на преступления, – сможем найти и самого убийцу. Сейчас зацепок нет, так что займитесь установкой личности жертв. Возможно, наш убийца окажется вполне нормальным киллером, нанятым для устранения нежелательных личностей. Может быть, убитые обладали или могли обладать какой-то важной информацией. Будете работать тремя группами. Руководители – Югира, Поте, Баркони – подчиняются лично мне. Младших детективов можете разобрать по своему усмотрению. К работе приступить немедленно.

Гейгер захлопнул крышку кафедры, развернулся и вышел из аудитории, не прощаясь. Ублюдок...

* * *

На этот раз лестничная площадка утонула в дыму настолько, что даже разъяренные лучи солнца не могли проделать в этом заслоне более-менее заметные прорехи. Девять младших детективов, и Стас в их числе, жадно втягивали дым сигарет, попутно обсуждая лекцию Ублюдка, самого Ублюдка и предстоящее дело. Как только Стас закурил, к нему подошел тот самый парень, что был его соседом в аудитории.

– Привет, я Ник. Слушай, я тут никого не знаю, а мы вроде как сидели вместе.

– Да. Я тебя помню. Стас Бекчетов.
– Ясно... Слушай... Я только вчера получил значок – и сразу сюда. До этого сидел на Периферии.

– Я это понял. По загару.

– А, да... Приходилось торчать на Стене, загорись тут.

Ник прикурил и оглядел остальных.

– Я тут единственный новичок?

– Не знаю, – пожал плечами Стас, – я не со многими знаком. Почти все не из нашего Управления. Наверное, из других городов, группа сборная.

– Ну да, логично.

– Слушай, – вспомнил Стас, – а почему ты так говорил странно – ветер в спину?

– А, это, – Ник усмехнулся, – это с Периферии. Со Стены. Когда идешь на прочесывание, самое страшное, когда ветер дует в спину. Иногда упыри эти не очень хорошо видят или слышат. Но нюх у всех отличный. Так что, если ветер дует в спину, значит, упырь почувствует тебя раньше, чем ты его. Так себе развлекуха...

Стас почувствовал, как волна озноба пробежала по его спине. Перед глазами мелькнула яркая картина ночной Периферии и особняка с выбитыми стеклами. Он бы развернулся и ушел, оставив новичка в недоумении, забился в какой-нибудь угол. Но в этот момент дверь открылась и на площадку вышли старшие детективы.

– Бекчетов, Спайкер, Польшнер, – перечислил Югира, – вы в моей группе. Идите, получите табельное и спускайтесь к стоянке Управления. Я буду через десять минут. Докурите там.

* * *

Несмотря на вечную тень от здания Управления, стоянка, плотно заставленная служебными автомобилями, раскалилась, как сковородка. Стас мгновенно почувствовал, как вспотели подмышки. Легкий костюм, который он переделал, заскочив домой после похорон, оказался шерстяным. Они торопливо пересекли стоянку, отыскали свой микроавтобус и забрались внутрь. Стас по привычке занял водительское место и врубил кондиционер.

– Неплохо вы тут упакованы, – проговорил из салона Ник. Стас бросил взгляд в зеркало заднего вида и увидел, что тот с мальчишеским восхищением вертел в руках полученный «Лес Пол». – У нас на Периферии все куда проще: «Мусимы», «Кремоны», изредка «Ямахи», но это только если есть блат в оружейке. Правда, у нашего командира был «Грейтч». Славная пушка, только в тех условиях беспонтовая. Пока перезарядишь... А вы тут на «Гибсонах» сидите. Эх, мне бы там такой «Лес Пол» на Стене, королем бы был.

– Нам их недавно привезли, – ответил Стас, следя за дверью Управления.

– А раньше на чем сидели?

– «Ямахи» в основном. Еще с войны. Те же «Мусимы»... Естественно, никаких «Фендеров», разве что наградные «Телики», но это не в счет.

Польшнер, унылый, одутловатый, весь какой-то нескладный, сидел молча, уставившись в одну точку. Иногда его губы беззвучно шевелились. Говорили, что он немного не в себе. Но это не имело значения, когда дело доходило до драки. На татами равных Польшнеру не было. Внешний вид был обманчив, и когда однажды, во время беспорядков в доках, Стас увидел, как этот парень рубится сразу с тремя шкафами из грузчиков, никакой одутловатости и уныния он не заметил. Грузчиков тогда к автобусам относили.

– А ты, наверное, скоро в старшие пойдешь, да? – Похоже, легче было голыми руками убить вампира, чем дожидаться, когда этот вояка с Периферии заткнется.

– Не думаю, – покачал головой Стас, – я в младших детективах всего год. До этого работал обычным водителем при Управлении.

– А, то-то я гляжу, ты сразу за баранку...

– Югира идет...

Старший детектив Югира спускался по лестнице с табельным «Лес Полом» за спиной. В руках нес объемную синюю папку.

Стас подрулил к лестнице, дал Югире сесть и тронулся с места.

– Куда едем, господин Югира?

– Не называйте меня господином, Станислав. Мне на войне этого хватило. Едем в Миссельтресс. Там было совершено одно из убийств, второе по счету. Первым занимается сам Гейгер. В одиночку. Ты ведь хорошо знаешь окрестные города, Стас?

– Провинцию более-менее знаю, шесть лет колесил тут. Миссельтресс – дыра, каких мало, фабрики, заводы, доки опять же. Население – по большей части пролетарии, рыбаки, матросня. Пьют с утра и до вечера. Даже на работе. В позапрошлом году Миссельтресс был лидером по бытовым убийствам. Но там сейчас новый шериф, говорят, железный мужик. Закрутил гайки. Правда, сам городок я не очень хорошо знаю. Там свой участок.

– Вот к участку и надо в первую очередь, – кивнул Югира.

– К участку доедем. Главное, за Второе Кольцо выскочить, дальше в это время пробок не бывает.

– Отлично, – кивнул Югира.

– Не против, если я радиолу включу, гос... Югира.

– Только если радио «Хоспис», – усмехнулся старший инспектор и подмигнул Стасу. – Пока мы его не поймали, есть что послушать.

– Думаете, поймаем?

– Думаю, да. Надеюсь, что нет.

В салоне Ник Спайкер отстегнул и снова пристегнул автоматный диск. По его лицу блуждала туманная улыбка школьника, заметившего свою сестру в постели с соседом. Стас покачал головой и потянулся к радиоле.

«Эй-эй, не спать! На том свете отоспитесь, ха-ха! Я сегодня просто излучаю позитивные вибрации. Джа Растфари мне в свидетели. Напоминаю вам, неудачники, что на волнах рэйдио „Хоспис“ великий и ужасный Доктор Апокалипсис, он же диджей Халли. И как мне только что сообщили вездесущие соглядатаи и сексоты, в районе супермаркетов действительно что-то горит, источает ядовитые химические пары и превращает нормальный уровень загрязнения атмосферы в ненормальный. Так что все идет по плану, дорогие мои все еще живые радиослушатели. И буквально минуту назад мимо радиорубки прошелестел наш заведующий новостями, и вид у него был крайне озабоченный. Поскольку какой-то там пожар вряд ли смог бы заставить его оторвать задницу от офисного табурета, я делаю вывод, что печальные новости на сегодняшний день еще не закончились. Другими словами, давайте подождем задохнуться ядовитыми испарениями, в скором времени у нас наверняка появится повод поинтереснее. А пока, раз уж неминуемое в очередной раз отсрочилось, вот вам сводка криминальных происшествий, уныло потрясших наш городок минувшей ночью...

Хм... Ну, вы знаете, из интересного я вижу только взлом аптеки номер один, что, как известно, располагается в двух шагах от Главного управления юстиции. М-да. Как говорится, хочешь спрятать дерево, спрячь его в лесу. Украдено лекарственных средств на общую сумму в... ни хрена себе! На общую сумму в двести тысяч кредитов. Неплохо кто-то, я вам скажу, затарился лекарственными средствами. К сожалению, списка украденных препаратов не приведено, но мы-то с вами знаем, что могло заинтересовать везучего сукиного сына. Подозреваю, что он уже всю общается с Хантером Томпсоном, черт его побери.

А вы, неудачники, небось всю пашете на своих работах и максимум, на что можете надеяться, так это на внеплановую бутылку „Джека Дэниэлса“? Ничтожества! Надеетесь уме-

реть через уничтожение печени? Это дорога слабых! Дорога лентяев и бесхарактерных захребетников. Эк я ввернул аутентично...

Ладно, я в вас давно уже разочарован, я не желаю тратить на вас свое драгоценное эфирное время. И вот что в связи с этим подумалось. А не замахнуться ли нам на милых дам из группы „The Ronettes“? А? Что-нибудь, подходящее и для заката, и для рассвета, и для рабочего, так сказать, полдня? Почему бы и нет?

Слушаем „Be My Baby“, расслабляем жизненные центры и... завидуем красавчику, отхватившему лекарственных средств на двести, мама дорогая, тысяч кредитов. Джингл беллз, или, как говорят русские экскурсоводы, дорогу осилит идущий!»

– Не знал про аптеку, – подал наконец голос Польшнер.

– Моему отделу снимали премиальные из-за этой аптеки, – покачал головой Югира, – слава богу, я уже числюсь у Гейгера. Вообще, отчаянный сукин сын этот взломщик. Прямо под носом у полиции вскрыть аптеку – попахивает благородным безумием. Надеюсь, руководство не слышало этой реплики Халли, иначе его точно найдут.

Стас был рад всему, что нес Халли и говорил Югира, рад тому, что снова сидел на привычном месте и крутил баранку ведомственной машины. Рад был затрудненному движению, которое теперь уже не раздражало, хотя пару раз и пришлось врубить мигалку. Все это отвлекало.

Они проехали через площадь Иосифа на набережную, там, немного потолкавшись, выбрались на Старый Мост и выскочили за пределы Второго Кольца. Здесь дороги стали свободнее, и Стас дал волю водительским инстинктам. Вообще-то, с тех пор как его приняли на работу в Управление, он мечтал стать детективом. Но вот этого чувства, когда ты несешься по городу за рулем полицейской машины и сам черт тебе не брат, ему иногда не хватало. Тем более Халли в этот раз был в ударе и ставил песни под стать настроению и дороге.

У супермаркетов и правда что-то дымило. Стасу пришлось прижаться к обочине и пропустить несколько летящих с сиренами пожарных машин. Стас коротко огляделся, пытаясь вычислить, в каком из небоскребов, окружающих это место, была оборудована подпольная студия радио «Хоспис». Ведь Халли проговорился, сказав, что видит дым над супермаркетами. Значит, высоко сидит, мерзавец. Хотя, может, это была намеренная дезинформация и про пожар он узнал от своего уже легендарного спеца по новостям, человека, имени которого никто не знал, но о котором слышали все. Кем бы он ни был, а иногда в эфире радио «Хоспис» всплывала такая информация, о которой даже из обладающих допуском не многие знали. За одно это Халли давно должны были отловить и растерзать или выбросить за Стену, голым и без оружия. Но несмотря на то, что над поисками наглого диджея и его студии трудился целый отдел нравов Управления, студию радио «Хоспис» обнаружить пока не удавалось. К счастью.

Стас свернул во дворы, подозревая, что у супермаркетов сейчас образовалась внеочередная пробка. Старые дома с надстроенными этажами не давали солнцу проникать во дворы-колодцы, пронизанные арками, как ствол автомата. Здесь было сумрачно и спокойно. В других районах города такой сумрак не сулил бы ничего хорошего. Но тут, в непосредственной близости от центра, уличная преступность вынуждена была соблюдать осторожность. Впрочем, подумал вдруг Стас, старина Халли, возможно, сам того не желая, может пошатнуть это спокойствие. Какие-нибудь тупицы могут решить, что Управление совсем мух не ловит, и начать орудовать здесь. Это, конечно, добром для них не кончится. Одно дело проморгать взломщика, другое – целую банду. Но кто-то успеет пострадать.

– Помню, когда входили в город, – вяло подал голос Польшнер, – я больше всего боялся таких дворов.

– Это точно, – согласился Югира, – одна граната, сброшенная с крыши, могла натворить много бед. Хорошо, что социалистам хватило ума сдаться без боя.

– Они уже понимали тогда, что война как таковая закончилась, – сказал Стас, притормаживая «Фольксваген», чтоб протиснуться между ограждением детской площадки и припаркованным «Цундапом». – Мой отряд тогда остался с другими группами прикрытия. Километрах в пятидесяти от нынешней Периферии, там, где потом первая Стена была. Еле ноги унесли, никто же не знал ни про йодид серебра, ни про заразу. Половина моих людей тогда там осталась. И нам еще, в общем, повезло. Многие отряды вообще не выбрались. А потом началось заражение. Никто поначалу не обращал внимания на царапины и укусы. Выжил и выжил. Вовремя подоспели яйцеголовые, успели снять с нашего эшелона зараженных. Я видел по дороге целые составы трупов. Составы, с которых не успели снять больных... Кровавые бани. Я думал, что сегодня этого уже не будет, что мы нашли способ удерживать их за Стеной. Оказывается – нет.

– Стас...

– Я в норме, Югира. Теперь уже в норме.

– Их не удержать, – проговорил сзади Ник, – ночами лезут через Стену стаями. Большую часть мы убиваем, но один-два могут проскочить. Тогда начинаются зачистки местности... И все равно вычистить удастся не всегда. Слишком много брошенных домов, есть где прятаться ублюдкам.

– Не та тема, – отрезал Стас и врубил радиолу погромче. Ник пожал плечами и снова принялся за автомат. Эта игрушка пока ему не надоела.

* * *

Вторая половина дня тянулась, как нуга. Но она практически не принесла результатов. Никто толком не мог вспомнить убитого, и он точно был не из местных. Барменша из кафе, где погибший обедал, вспомнила, что у того была борода, но охранник того же кафе был уверен, что была всего лишь щетина. Оба сошлись во мнении, что парень был сильно поддат. И вроде бы все время говорил о том, что его не просто кинуть, что у него есть связи. Одежда тоже ничего не говорила: спортивный пиджак не первой свежести, брюки, рубашка с заплатками на рукавах, стоптанные ботинки. Сомнительно, что у парня были средства на серьезные связи. В карманах только кошелек с десятком кредитов и ключи от машины. Ни документов, ни визитных карточек. Брошенных машин в округе не нашли.

Напоследок Югира попросил Стаса еще раз заехать в участок. Шериф, высокий худощавый старик из тех, что и в пятьдесят при всей своей худобе способны завалить разбушевавшегося мерзавца, был на месте и угостил их кофе. Он был малословен, но дал понять, что поможет следствию всеми силами.

– Шериф, у меня к вам просьба, – уже прощаясь, сказал Югира, – вы знаете местных лучше нас. Вряд ли они согласятся вот так запросто делиться информацией с людьми из большого города. А у вас тут репутация. Есть вариант, что у убитого угнали машину. Возможно, уже после убийства, хотя, скорее всего, до. Покопайте на этот счет.

– Нет вопросов, – кивнул шериф и поправил шляпу.

За всю обратную дорогу не было сказано и десятка слов. Все вымотались на жаре и мечтали только о том, как добраться до ближайшего бара и опрокинуть в себя кружку холодного пива. Только диджей Халли заливался так, как будто не отболтал уже много часов подряд. Ну, за это его и любили. Впрочем, и он через час намеревался покинуть студию, врубив на кольцо ночную музыкальную подборку. Это был единственный минус радио «Хоспис». Халли появлялся в эфире когда хотел и на сколько хотел. Случалось, что он по несколько суток не подавал голоса. И тогда по городу начинали бродить слухи о том, что парня наконец поймали, но скрывают эту информацию, боясь городских беспорядков. И только в Управлении пожимали плечами и говорили, что Халли, видимо, просто ушел в запой.

В пяти километрах от въезда в город, где несколько пригородных двухполосных дорог сливаются, как ручьи, в реку Двадцать третьей магистрали, скорость пришлось скинуть. Транспорт шел сплошным потоком, и ни одна сирена в мире не могла заставить его расступиться. Воздух наполнялся сумраком наперегонки с дымовой завесой, но сумерки побеждали. Кое-кто из автомобилистов уже включил фары.

– Смотри-ка, – воскликнул Югира, показывая куда-то вперед. Стас проследил за направлением и усмехнулся. С гигантского рекламного столба по прикладным лестницам торопливо, оглядываясь на их увенчанную выключенной мигалкой машину, сползали трое бородатых мужичков в странных одеждах. Судя по проступающим кое-где на шите фрагментам, щит этот принадлежал рекламной компании «Кока-кола», но теперь почти всю его площадь занимал самодельный транспарант: «Вы считали, что мысль управляет прогрессом, и упустили момент, когда прогресс стал управлять мыслью. Покаяние и возвращение к основам! Молитва и уничтожение машин!»

– Это что за хрень? – приподнявшись и вытянув голову между передними сиденьями, спросил Ник.

– Воинствующие амиши, религиозная мутация, – пояснил Югира, весело качая головой. – На территории нашей юрисдикции практически не появляются.

– Но это же, блин... – Ник трижды щелкнул пальцами, потом заученно выдал: – Публичный акт вандализма... или акт публичного вандализма, хрен знает.

– Так и есть, – кивнул Стас, наблюдая за улепетывающими меннонитами, – вот только мы возвращались в город совсем другой дорогой, Ник. Правда, Югира?

– Абсолютная правда, – кивнул Югира и довольно посмотрел на Ника. – Здесь юрисдикция областного ведомства. А у нас с ними стойкое отсутствие взаимопонимания. Конечно, если бы эти фанатики начали взрывать машины, нам пришлось бы вмешаться. А так – даже весело. – И Югира рассмеялся.

– Запомни, друг, – весомо проговорил Стас, – раз уж ты некоторое время будешь работать в нашем Управлении, ты обязан использовать любой шанс, чтоб насолить областникам.

– Я этого не слышал, – покачал головой Югира.

– Я этого не говорил, – согласился Стас.

Ник весело гыгыкнул и вернулся на свое место.

– Закиньте меня в Управление и можете быть свободны, – сказал Югира.

* * *

Вечером, впервые в этом году, на улицах появились поливальные машины. Раз уж ветер отказывался разгонять городскую пыль, ее необходимо было как минимум усмирить. Придавить к асфальту тяжестью водяных брызг, попутно создавая минутные радуги и лужи, все в масляных переливах (мгновенно, впрочем, высыхающие). В общем, было красиво, а сгустившаяся синева вечера разбавила картину приятным намеком на дождливые картины экспрессионистов.

Сияющая вывеска «Долины» заставляла причудливо сверкать асфальт тротуара и проезжей части, бар стоял на пересечении Монументштрассе и Канцлерштрассе, а угол уже облюбовал старик по прозвищу Завсегдатай, его знали все. Он заходил в бар лишь под утро, перед закрытием, пропустить пару стаканов виски, но каждый вечер притаскивался на угол с медным тромбоном и развлекал ночную публику мелодиями из популярных фильмов: «Касабланка», «Мальтийский сокол», «Неуловимые мстители», «Огни большого города»... Завсегдатай любил. Частенько посетители «Долины» покидали на несколько минут прокуренный зал бара подышать свежим воздухом. Они шли к Завсегдатаю и слушали, а когда собирались обратно, всегда кидали в брошенную прямо на асфальт шляпу кредит-другой. Однажды ком-

пания молодых загулявших студентов решила поиздеваться над стариком. Отобрали у него тромбон, пнули шляпу, отчего кредиты рассыпались по тротуару. Не прошло и десяти секунд, как из «Долины» выскочили человек двадцать мужиков из числа постоянных посетителей и навешали студентам таких банок, что те улепетывали, теряя обувь и головные уборы.

Стас припарковал машину напротив бара. Заметив его, Завсегдатай качнул тромбоном и выдал хитрый пассаж. Стас улыбнулся и приложил руку к шляпе. В тусклом свете фонарей медный тромбон переливался оттенками красного. Стас кинул в шляпу Завсегдатая червонец и пообещал вернуться.

Внутри было людно. Бар считался местом отдыха верхней прослойки среднего класса – владельцев небольших магазинчиков, клерков, держателей автомастерских. Тех, кто уже вышел за рамки забегаловок, окружающих доки, и кабаков типа «Клубок змей» или «Партай-геноссе Штоф», но позволить себе ежевечерний дорогой ресторан пока не могли. В «Долине» было уютно, а цены демократичны. Сразу пять туповатых громил, подчиняющихся движению бровей Ауча, хозяина «Долины», обеспечивали в баре относительное спокойствие. Да и сам Ауч, низкорослый и заметно отяжелевший, мог в случае чего усмирить пару-другую перепивших посетителей молотобойным джебом или схватив их за загривки и от души столкнув лбами. Когда-то Арчи был неплохим боксером. Вообще-то под стойкой имелся и старинный шот-ган марки «Арк-топ», но на памяти Стаса его еще ни разу не доставали на свет. По крайней мере для наведения порядка. Наверное, он давно порос паутиной так, что выгашить его при случае будет непросто. Кроме того, в баре играла хорошая музыка, а постоянным клиентам отпускали в долг. Отличное место для отличных людей.

Ауч стоял за стойкой, что-то объясняя бармену. Заметив Стаса, он кивнул и показал пальцем на лестницу, ведущую на второй этаж. Там располагались кабинеты для vip-посетителей. В основном для богачей, которым взбрело в голову отдохнуть не в стандартных для такой публики «Метрополе» или «Генрихе IV». Кроме того, кабинеты арендовали для различных торжеств, для мальчишников или для того, чтобы компания клерков или мелких бизнесменов могла провести без лишних глаз вечер в обществе дам легкого поведения. Последних, кстати, поставляли Аучу по договору из борделя «Живой уголок», где сидел вышибалой Бруно. Один из кабинетов, последний по коридору, был по пятницам закреплен за четырьмя друзьями: Стасом, Шрамом, Скальпелем и Бруно. Нередко к ним присоединялся и сам Ауч. Сегодня была среда, но, когда Стас позвонил Аучу и попросил оставить за ним кабинет, хозяин «Долины» только уточнил время. Они были знакомы еще с тех времен, когда никакой «Долины» и в планах не было, а бывший боксер Ауч только начал подрабатывать в букмекерской конторе. Это было миллион лет тому назад, вскоре после окончания войны, и славные знакомства, протянувшие такое долгое время, принято называть дружбой.

Стас взбежал по лестнице, мимо черно-белых портретов на стене. В коридоре добротная ковровая дорожка, купленная Аучем на распродаже после закрытия какого-то солидного отеля, отлично глушила шаги. Бра в виде бутонов тюльпанов висели достаточно редко и светили достаточно тускло, чтобы идущий видел, куда идет, но не смог разглядеть лицо встречного. На последней двери висела табличка, сделанная Шрамом в мастерской три года назад: «Здесь пьют стареющие гардемарины. Не лезь, если не хочешь проплыть под килем». Это была шутка, никто и не собирался вешать ее на дверь, просто подарили Аучу на какой-то праздник. Но каждую пятницу или во время таких вот незапланированных встреч табличка оказывалась на двери. Добрый верный старина Ауч...

Парни уже собрались и, похоже, решили начать без него. По крайней мере, Скальпель уже слегка плыл.

– Простите, джентльмены, задержка на работе.

– Если задержка не грозит внезапным продолжением рода, нам она не страшна, – провозгласил пьяный Скальпель.

– Как ты, Стас? – спросил Шрам, и Бруно присоединился к нему вопросительным взглядом.

– Все нормально. Вернее... – Стас пожал плечами, – насколько это может быть нормально.

– А какого черта ты пошел на работу? – спросил Скальпель.

– Не знал, куда себя деть, – честно ответил Стас. Да и от кого ему было скрывать, не от этих же парней, с которыми он прошел огонь, воду и медные трубы по самому подолу Сатаны. – И, кстати, это было верное решение.

Бруно плеснул в стакан виски и подвинул его Стасу.

– За старика, – сказал Шрам. И Бруно кивнул.

– За настоящего человека, каких уже не осталось, – поднял свой бокал Скальпель.

– За отца...

Они пили, вспоминали былое и снова пили. Вечер становился зыбким и одновременно наполнялся уютом. Скальпель попытался было рассказать медицинский анекдот, в котором трижды повторялся термин «пункция спинного мозга», но никто анекдота не понял. Тогда Скальпель попытался рассказать то же самое без терминов, объяснить на пальцах, и получилось еще хуже, зато смешнее. Потом пришел Ауч с новой бутылкой и стулом, присоединился к столу и рассказал новый политический анекдот.

– Короче, – слегка картавя говорил хозяин «Долины», – заявляется губернатор домой раньше времени. Заходит в спальню, а там его супруга, дай ей боже здоровья и счастья, Натали Портман без одежд и вся такая расслабленная, утомленная, волосы по подушке...

– Вкусно рассказываешь, – вставил было Скальпель, но друзья заставили его замолкнуть.

– А у кровати в одних кальсонах замгуба собственной персоной, дай ему бог здоровья и счастья тоже, – продолжил Ауч. – «Ты какого хрена тут делаешь, заместитель?» – спрашивает охреневший губернатор. А замгуба так кланяется, показывает на Натали и отвечает: «Так ведь замещаю, ваше высокоблагородие...»

Отсмеялись.

– Надо бы на вас рапорт составить, как считаете? – спросил Стас.

– А с кем ты тогда по пятницам пить будешь? – вопросом на вопрос ответил Скальпель.

А Ауч добавил:

– И где?

– Вот только это и удерживает меня от исполнения гражданского долга. – Стас усмехнулся. – Ну что, как у кого день прошел?

– Оперировал, – отчаянно кивнул Скальпель и постарался сохранить равновесие.

– Чинил моторы, – ответил Шрам.

– Попытался разобраться со счетами, – проворчал Ауч, – клянусь. Вай, слушайте, налоги сведут меня в могилу, клянусь здоровьем всех своих бабушек. Я почти уже начал худеть, честное слово!

Стас посмотрел на Бруно, тот пожал плечами и махнул рукой.

– Отлично! – кивнул Стас, чувствуя, что миновал рубеж тоски и теперь может не сдерживать чувств, может спокойно отдаться на волю грусти и доброй, светлой печали. – Значит, жизнь идет своей обычной чередой. Жизнь продолжается, господа гардемарины...

Скальпель вскочил на ноги, поднял бокал и трижды щелкнул пальцами свободной руки.

– Виват! – гаркнули хором друзья, и бывший пехотный капрал Ауч гаркнул громче всех, так, что задрожали стаканы и звезды на небе стали на мгновение чуть менее яркими.

* * *

Ночная улица встретила их относительной свежестью и печалью тромбона. Завсегдатай играл «Лунную реку» Фрэнка Синатры.

– My huckleberry friend... – тихо и хорошо подпел своим некогда поставленным баритоном Скальпель. – Этот сукин сын всегда знает, что сыграть для меня в эту минуту.

– Он играет не для тебя, Скальп, – покачал головой Шрам, – вообще ни для кого. Завсегдатай – просто часть ночи. Это она создает настроение. Ауч, сатрап, где бутылка?

– Ты зачем так говоришь, эй? Бутылка у меня в руках, и не надейся заполучить ее, прежде чем я сделаю большой глоток, – ответил Ауч и свернул голову «Лошади».

– Эй, – всплеснул руками Скальпель, – у нормальных людей это называется не глоток, а четверть бутылки!

– Да и черт с ними, с нормальными людьми. Почему у старого армянина не может быть отличного настроения? Хочу напиться и прогуляться где-нибудь в районе университета. Заодно вспомню те времена, когда имя Арчи Терапетяна знал каждый школьник, потому что перед хуком Арчи Терапетяна не мог выстоять никто. – Ауч, встав в стойку и смешно подпрыгивая, сделал пару ударов в темноту.

– Пока однажды Арчи Терапетяна не встретил пацан по имени Леннокс Льюис, – вставил Стас, принимая у Скальпеля бутылку.

– Да нет, – печально покачал головой здоровяк, – мой закат начался еще раньше. Я повредил сухожилия, но мои агенты и слышать не хотели о том, что мне нужен перерыв. Я был для них дойной коровой, и только. Пока дает молоко, ее кормят и холят, а когда перестает, отправляют на скотобойню. Так что тот бой с Льюисом был просто последней каплей. Вай, что там говорить, все это давно унеслось с той, другой жизнью. Я по крайней мере выжил, а про Льюиса после войны никто ничего не слышал. Хотя, между нами, парни, думаю, что и в лучшей форме я не выстоял бы против этого парня. Но! Вы немедленно забудете о моих словах, вам ясно? Достаточно того, что было время, когда Арчи Терапетян был непобедим!

– За легенду довоенного ринга, – поднял бутылку Шрам, – и пусть все черти катятся к своим матушкам. Я поддерживаю тебя, старина. В смысле твое предложение прогуляться мимо университета. Где там сейчас самое разгульное место?

– Есть один кабак, – криво усмехнулся Арчи, – там висят футболисты. С вот такими плечами. Их много, и нам будет несладко.

– Отличная затея, – кивнул Скальпель.

– Скальп, ты же хирург, – воскликнул Стас, – ты должен беречь руки. А потом, вообще-то вы забыли, что я как-никак детектив. А вся эта затея называется хулиганством.

– Это хорошо, что с нами детектив, – положив ему руку на плечо, сказал Шрам, – будет кому нас отмазать, если появится полис.

– Идиоты! Я, конечно, с вами, но это ничего не меняет. Бруно, ты-то что думаешь?

Бруно улыбнулся, сцепил пальцы и оглушительно щелкнул суставами.

– Все понятно, – вздохнул Стас. – Ладно, футболисты так футболисты. Старые, мать вашу, пни, а ведете себя, как молокососы...

Но подраться с футболистами в этот вечер им было не суждено. Они постояли еще несколько минут, дожидаясь, когда Завсегдатай закончит «Лунную реку». И это все решило. К «Долине» стремительно подъехала машина, из которой выскочила одна из девушек «Живого уголка». Она сразу же бросилась к Бруно.

– Сэм, я за тобой. В «Уголке» буянит какая-то матросня. Громят мебель и отказываются платить. Их там десятеро, и они уже вырубил твоего сменщика.

– Десятеро, – усмехнулся Ауч, – всего по двое на брата. Я в деле, парни.

И это была отличная драка, в духе тех, что случались когда-то в мореходке между потоками одного курса, или даже между разными курсами, или просто в клубе на танцах между гардемаринами и студентами других учебных заведений. Матросы были не промах, их было больше, но они были пьянее. За друзьями из «Долины» была относительная трезвость, готовность к драке и фактор неожиданности. И для начала Скальпель использовал свой коронный кульбит курсантских времен, разбив табурет об голову одного из матросов. Затем в дело вступил Ауч, профессионально отработав пару на корпусе высокого матроса с татуировкой в виде сцепленных якорей на шее. Ну а дальше вступили в дело все остальные. Не прошло и минуты, как матросы осознали, что их дело швах. Они убегали по улице, выкрикивая обещания вернуться, а Ауч поливал им спину самым отборным матом. Девчонки в окнах переживали и вскрикивали так, как будто поставили все свои сбережения на результат боксерского поединка, а город бросался со всех сторон, как обрадованный вниманием щенок, то вспыхивая отражением в окнах, то налетая неожиданным сквозняком. А поскольку, чисто теоретически, они явились в бордель только для того, чтобы урезонить хулиганов, младший детектив Бекчетов не имел ничего против. Надо же хоть иногда выполнять свой профессиональный долг!

«Ну что, неудачнички? Жизнь помой, но жить надо. По крайней мере пока не помрем, ха-ха. Слышу, слышу, улицы успокаиваются, заводы гудят, офисы тоже подгуживают. С новым вас гребаным рабочим днем, лодыри. Проведем его так же бездарно, как и все предыдущие дни, и выполним основное предназначение человечества: прийти, нагадить и свалить к праотцам. И жизнь ваша бездарная станет еще более бездарной, так что поводов для печали и волнения нет! А на меня, знаете ли, напала утренняя апатия. Похоже, мой коллега и спец по новостям начихал тут болезнетворных бактерий печали и уныния. Видели бы вы, с какой постной физиономией он ходит! Тараканы вешаются на бутербродах. По этому поводу и я намерен уйти в пятиминутную депрессию и послушать композицию оркестра вибрирующих инструментов „The Ventures“ под названием „My Own True Love“»

В этом мире существовал только один вездесущий сукин сын, которому позволялось разглашать тайны следствия. И то лишь потому, что его до сих пор не могли поймать, и еще потому, что он имел привычку ставить классные песни. Все остальные обязаны были держаться от тайн следствия как можно дальше. Особенно утром. Особенно если это утро после попойки. Особенно если это была попойка старых друзей. И особенно человеку стоило держать дистанцию, если его звали Доусон Лейстрейд, которого все, от мала до велика, звали просто Лисом-Педерастом.

Стас ненавидел это нарицательное словосочетание. Любой, кто имел хоть какое-то отношение к юстиции, ненавидел это словосочетание. Потому что Доусон Лейстрейд был чертовски хитер и пронырлив, а также при случае мог пролезть в любую задницу ради получения информации. Даже если эту задницу нужно было предварительно вылизать. Более того, прием «глубокий лизок» был коронным приемом Лиса-Педераста. К великому сожалению, Доусон выбрал криминалистику и все связанные с нею скандалы в качестве полигона.

Вот и этим утром Лис-Педераст сиял во всю черно-белую диагональ переносного телевизора, который уже давным-давно никто не переносил с холодильника на кухне в квартире Стаса. Лейстрейд не просто сиял, он излучал самодовольство и укоризну одновременно. Еще бы, ведь где-то среди нас, дорогие телезрители, бродит мерзавец, совершивший девять убийств, а доблестные защитники правопорядка до сих пор не могут не только поймать преступника, но даже и определить, кого тот прикончил. Говоря все это, Лис-Педераст умудрялся корчить такие наигранные рожи, что все рассказанное начинало напоминать анекдот. В этом и была цель Доусона Лейстрейда. Он был комиком от бога, хотя, как подозревал Стас, бог этого мерзавца носил рога и ходил, цокая копытами. А по утрам вселялся в телевизоры. Естественно, этот гаденыш не забыл упомянуть об ограблении аптеки.

Стас со стоном оторвал задницу от табурета и вылил кофе в раковину. Настроение было испорчено. Он подошел к телевизору и выдернул вилку из розетки. Подумал – и повернул экраном к стене.

Хреновое утро...

* * *

– Я ненавижу Лиса! – объявил Югира, усаживаясь на переднее пассажирское сиденье.

– Совершенно с тобой согласен, – скривился Стас, поворачивая ключ зажигания. – Этот ублюдок испортил мне утро.

– А мне этот и еще один. – Югира кивнул на дверь Управления. – Самое обидное, Лис снова прав. Мы ничего не знаем. У остальных групп по нулям. Да и у нас тоже. Звонил шериф Миссельтресса, сказал, что пока новостей нет, – объявил Югира, – так что сегодня едем в Сарай.

Стас удивленно посмотрел на руководителя. Сарай был поселением зажиточных азиатов. Там действовала своеобразная автономия, и хотя губернатор Сарая, которого там называли «паша», подписал двенадцать лет назад Договор о подчинении общей конституции с учетом этнических особенностей обособленных групп населения, вышеуказанные этнические особенности в Сарае главенствовали. Своя полиция, свои суды, свои меры пресечения. Представитель Управления юстиции, обязательная штатная единица в любом обособленном этническом поселении, проводил дни, сидя в чайхане или в собственной бане. Он получал настолько мизерную зарплату в Управлении, что иногда терял нюх и забывал за ней заехать. В то же время от местных воротил он получал столько, что потеря нюха казалась вполне оправданной. Разумеется, представитель Управления в Сарае был из местных. Правительство закрывало на это глаза, поскольку Сарай был прекрасной налоговой Меккой, исправной машиной по пополнению государственного кошелька. К тому же ходили слухи, что паша принимает служебные визиты правительственных инспекторов в собственном гареме, так что за право проинспектировать Сарай разгораются самые настоящие кулуарные битвы с подмешиванием слабительного в кофе и наймом частных детективов с целью опорочить честное имя претендентов. Надо заметить, эти сами местные воротилы редко были рады видеть здесь коллег представителя Управления. Можно сказать, они никогда не были этому рады. Поэтому, к примеру, Гейгеру туда попасть не удалось, его просто не пустили, отчего тот все утро ходил и брызгал ядом.

– Там было совершено третье убийство, – напомнил Югира.

– Будет нелегко, – ответил Стас.

– Да уж, но у меня там есть кое-какие связи, – пожал плечами старший детектив. – Видок у тебя, кстати, Станислав, потрепанный.

– Вы не поверите, но последний раз я слышал эту фразу в придорожном кафе от сорокалетней красотки, мечтавшей затащить меня к себе в постель.

– И? – подал голос Ник, все утро поражающий феноменальной молчаливостью.

– Что «и»?

– Ей это удалось?

– Джентльмены не обсуждают это вслух, – покачал головой Стас, – но вообще-то да.

– Поехали, джентльмены, – усмехнулся Югира. – Меня смущает одна деталь, и я должен срочно оказаться на месте убийства.

– А этого... Польшера... дожидаться не будем? – спросил Ник.

– Я отправил его в Миссельтресс, – ответил Югира, – у него там тоже есть какие-то связи.

– У Польшера? – удивился Стас.

– Да. Среди футбольных хулиганов, кажется. Или у тех, кто их держит, я точно не понял.

* * *

Утро в городе – самое невыносимое время суток. Все дороги превращаются в одну сплошную пробку, смердящую выхлопными газами, воющую клаксонами, матерящуюся ртами, отдающими сквозь запах зубной пасты перегаром, смешанным с дымом первой утренней сигареты. Но после столь бурной ночи Стас пребывал в это утро в некоем полусонном состоянии. Он не спал, не кивал носом, не ослаблял внимания, но на то, что в любой другой ситуации легко бы вывело из себя, сегодня ему было глубоко наплевать. Орут – ну и пусть себе орут. Закрытые стекла, кондиционер и радио делали возможность не замечать этого вполне реальной.

Не испытывал раздражения по поводу затрудненного движения и Ник Спайкер. Во Втором Периметре он бывал только раз, да и то в командировке, под неусыпным надзором злобного капрала. И теперь пользовался любой возможностью увидеть и отреагировать. Он глазел во все стороны, лишь иногда отвлекаясь на то, чтобы убедиться, что новый «Лес Пол» с диском на сорок патронов калибра 5,45 ему не приснился и действительно лежит на коленях.

– Ух ты, стачка, забастовка! – воскликнул он первым, когда они вырулили на Бондштрассе. По площади ходило по кругу человек двадцать в полосатых пижамах, заложив за спину руки. У каждого на спину был пришит прямоугольник белой ткани с надписью «Банкрот». А над площадью парили несколько воздушных шаров, удерживающих транспарант «Новая налоговая доктрина – убийца малого бизнеса! Вы хотите нового финансового кризиса?».

– Обычное дело на Бондштрассе, – пояснил Югира. – Здесь находится здание регионального отделения министерства финансов и центральные офисы всех крупных банков Второго Периметра. Так что в этих местах постоянно какие-то грозы. Сталкиваются два атмосферных фронта – финансовые кульминации и банкротства – над отдельно взятым районом города.

– В прошлый раз забастовщиков было меньше, – заметил Стас. – Кто-нибудь знает, что это за новая доктрина?

– Понятия не имею, – покачал головой Югира, – никогда в этом не разбирался. Я и про старую-то ничего не знаю.

Они миновали Бондштрассе и окунулись в неторопливый водоворот утреннего лабиринта. Даже зная все объездные пути, Стасу удалось только через час вытащить «Фольксваген» за Второе Кольцо. Местные обитатели уже покинули свои дома, спеша в обратном ведомственном «Фольксвагену» направлении, то бишь в центр, к своим офисам, представительствам, конторам самого разного пошиба. Можно было не сдерживать спрятанных под капотом лошадей, но именно теперь на Стаса начала наваливаться дрема. Он прижал «Фольксваген» к обочине и, обернувшись к Спайкеру, спросил:

– Ник, ты водишь машину?

– Конечно, – воссиял новый коллега, – правда, я не знаю города.

– Я знаю, – проворчал Югира и укоризненно посмотрел на Стаса. – Надеюсь, оно хоть того стоило.

– Мы поминали отца, а потом... Все как-то вышло из-под контроля, – пожал плечами Стас.

– Понимаю. Перебирайся назад. До Сарая около часа езды. Большого дать не могу.

– Больше и не понадобится.

* * *

Бывают состояния, когда задние кресла служебного микроавтобуса могут показаться лучшим ложем на свете, и неважно, что ноги либо прижаты коленями к груди, либо болтаются

по всему салону. Неважно, что на поворотах твоя голова бьется о стену, а откуда-то свыше божественным гласом то и дело приходят звуки сирены. Ничто это не способно заставить тебя думать, что кресла салона – это не то место, ради которого ты был рожден на свет. Ничто. Да и ладно вам, это еще праздник по сравнению с теми условиями, в которых приходилось кемарить сначала курсанту-гардемарину, потом солдату, а затем, в хронологическом порядке, таперу в ресторане средней руки, механику в автомастерской, специализирующейся по реставрации довоенных автомобилей, водителю в свадебной конторе, водителю в похоронной конторе, водителю в Управлении юстиции и, наконец, младшему детективу того же Управления. Богатая на события жизнь определяет философское отношение к тому, где и в каких условиях приклонить голову. В окопах под постоянным обстрелом? Запросто. На складе между коробками с вермишелью и банками с томатным соусом? Нет ничего проще. На креслах в салоне «Фольксвагена»? Именно этим он и занят.

Вот только уснуть никак не получалось. Стас то впадал в полупрозрачную, но невероятно тяжелую дрему, то снова приходил в себя и пытался уговорить свой организм вспомнить и более тяжкие условия. Организм помнил, но даровать спасительный сон отказывался. В конце концов Стас принял горизонтальное положение и воззвал в тишине:

– Парни, никому из вас супруга термос с кофе не приготовила на сегодняшний день?

– Я не женат, – до омерзения жизнерадостно отозвался Ник.

Югира обернулся, окинул Стаса взглядом и усмехнулся:

– Послушай, парень. Мне тоже приходилось бывать в таком состоянии. Так что, если хочешь, мы тебя скинем, а потом как-нибудь прикроем.

– Спасибо, Югира, но я действительно приду в себя, если выпью кофе. И извини, что твой подчиненный создает тебе столько хлопот. Обычно я бываю посвежее.

– Кофе нет, а я временный начальник. В моей сумке есть термос. Там мате. С непривычки может показаться мерзкой шуткой. Но бодрит не хуже кофе, поверь старому солдату. Я в последнее время пристрастился к этой дряни...

За то время, пока Стас находился на тонкой, вибрирующей и воющей сиреной грани сна и яви, Ник под чутким руководством японца вывел «Фольксваген» на окраину города. Это было нетрудно определить: дома вокруг стали еще выше, еще менее приглядными, а дорога была испещрена выбоинами. Тут выспаться уж точно не удалось бы. Стало темнее из-за того, что солнцу все труднее было проникать в узкие щели между домами: дороги сузились до одной полосы. Это был район небоскребов, переполненных малогабаритными и чаще всего однокомнатными квартирами, в которых ютились семьи по шесть и больше человек. Стас давно обнаружил занятную закономерность: чем беднее семья, тем больше она стремится к многодетности. Кто-то однажды пошутил, что, дескать, если уж не удастся достичь богатства в финансовом плане, то нужно использовать то богатство, что дано природой. Но Стас имел на этот счет собственное мнение. Скорее всего многодетность была этаким безусловным инстинктом, навязанным как раз бедностью. И инстинкт этот не из сегодняшнего дня, а с доисторических времен. С тех пор, когда холод нельзя было одолеть, его можно было только перетерпеть. И в одиночку терпеть холод было нелегко, порой невозможно, но, если рядом оказывался кто-то, к кому можно прижаться, кто мог бы поделиться своим теплом, твои шансы на выживание увеличивались. Бедность – тот же холод, и в одиночку его трудно пережить. Впрочем, была и обратная сторона медали, как же без нее. Чем больше стая, тем она агрессивнее. Масса – это сила. А бедность, точнее, отсутствие надежды выбраться из нее нормальными (читай, законными) путями заставляет стаю идти на незаконные меры. Вот потому-то и коллективная преступность среди представителей малообеспеченных классов особенно распространена, причем преступления отличаются особенной жестокостью. Человек легко напьется крови, напьется и ужаснется. Напоить толпу невозможно. А если эта толпа организована и связана какими-то узами, мы имеем дело с криминальной группировкой, способной на все и не останавливающейся ни

перед чем. Инстинкты и бедность. Возможно, эту проблему можно было бы решить, но до тех пор, пока для ее решения создаются не группы экономистов и психологов, а отделы по борьбе с организованной преступностью, этого не случится.

– А ведь всего пять лет назад здесь было вполне сносно, – с особенной ноткой печали, той ноткой, которая живет только в голосе азиатов, проговорил Югира.

– В последнее время вполне сносными могут считаться только районы, близкие к центру, – согласился Стас.

– Тут где-то... точно уже не вспомню где, был ресторан. Там я познакомился со своей женой, – сказал Югира. – Теперь уже, наверное, и не найду его.

– Не знал, что ты женат.

– Почти пять лет уже. И с тех пор здесь я не был ни разу. Старался выбирать другие дороги.

– На других дорогах пробки, – вставил Ник. – А вообще, вы просто все избалованные здесь, во Втором Периметре. Уверяю вас, парни, если бы вы видели, как вымирают целые кварталы, и не просто какие-нибудь трущобы, а такие, знаете, где богатые особняки с бассейнами и все такое, если бы вы это видели, вы говорили бы иначе.

Они миновали дома, проехали несколько кварталов складов. Ненадолго задержались на муниципальном блокпосте, потом проскочили между бетонными стенами, огораживающими дорогу, идущую через свалку. И хотя свалка была окружена бетонными плитами со всех сторон, делалось это отнюдь не для благоустройства бедных районов, а для того, чтоб скальные массивы городского мусора не портили вид с идущих по обе стороны автомагистралей.

– Просто экскурсия какая-то, – проворчал Югира, – едем в рай дорогой через ад.

– Жуткая поэзия, – кивнул Стас.

– Я тоже стихи не люблю, – согласился Ник Спайкер, – дурь, по-моему, вся эта любовь-морковь. Правда, у нас был парнишка, все время с гитарой ходил. Вот он неплохо рифмовал. Но ведь песни – это не стихи, верно я говорю?

– Почему «был»? – вяло поинтересовался Стас.

– Да не знаю, может, и сейчас есть. Его здорово порвали во время одного из набегов. Ну, там медики подсустились, какие-то уколы сделали, увезли. Не знаю, может, и выкарабкался. Вот этот наш, главный, он же выздоровел. Может, и парню повезло. Неплохой был, веселый. Элвис... Элвис Пресли, рядовой второго пограничного дивизиона. Блин, вы бы его на сцене видели, такие кренделя выдавал! Да...

Они пристроились в хвост очереди из десятка машин, ждущих возможности выбраться на 2-ю магистраль. Над развязкой высоко в небе парил дирижабль с накопителями солнечной энергии на борту. Стас поднял голову и увидел, как с его платформы сорвался и устремился в сторону города кажущийся миниатюрным биплан. Красно-белые круги на его крыльях говорили о том, что он принадлежит не к муниципальной эскадрилье, а к чьей-то частной. В последнее время это стало распространенным явлением. Правительству было легче оплачивать аренду частной авиатехники, нежели содержать в порядке свою собственную.

– Ну а ты, Станислав, – обернувшись, спросил Югира, – не собираешься пока обзаводиться семьей?

Стас усмехнулся и пожал плечами:

– Да как-то не представилось возможности. Женщины были, но ничего серьезного. Знаешь, война отучила строить планы.

– Знаю, – серьезно кивнул Югира, глядя прямо по курсу, – но война кончилась. Нет уже даже того, из-за чего она началась. И за что велась. Но мне знакома эта неуверенность в будущем. Другое дело, что я не стал ее культивировать. Иногда нужно поступать вопреки чувствам.

– Да я не спорю, – ответил Стас и отчаянно зевнул. – Где, говоришь, твоя мята?

– Не мята – мате. В сумке.

Некоторое время ехали молча. Стас пытался заставить себя глотать обжигающую и невероятно горькую жидкость из термоса, Югира задумчиво рылся в синей папке, а Ник Спайкер крутил баранку под круто завернутый свинг из динамиков радиолы. Крутил-крутил, а потом вдруг сказал, немало озадачив обоих своих коллег:

– Бросьте, ничего не исчезло, господин Югира. Вы вот говорите, что все, из-за чего началась война, исчезло, а это не так. Деньги остались, бедность осталась, белые ненавидят черных, а черные – белых. Парень с Библией под мышкой не подает руки такому же парню с Талмудом. Ничего не исчезло. Я вырос в бедном квартале. Только у нас было еще хуже, чем там, – он неопределенно мотнул головой, – потому что Третий Периметр. И такие вещи у нас сильнее чувствуются. Ничего не исчезло, господин Югира. Просто затаилось до времени и ждет. Как те упыри из-за Стены. Дайте ему время, он еще высунется, это я вам точно говорю. И тогда уж рифмуй не рифмуй...

Стас пересекся с Югирой взглядом в зеркале. Потом увидел, как тот пожимает плечами.

– Югира, передайте мне материалы по третьему убийству, – пробормотал Стас, – надо чем-то занять голову.

* * *

Из четырнадцати фотографий с места убийства, переданных представителем Управления в Сарае (великолепно выполненный, подробнейший отчет прилагался, плюс отчет специалистов – парамедиков и баллистиков), Стас задержался взглядом лишь за одной. На ней крупным планом было запечатлено то, что ранее было лицом жертвы. Месиво мяса, костей и зелено-серой слизи, небрежно уложенное в лопнувшую скорлупу черепа, – вот и все, что от него осталось.

Наверное, это было ужасно. То есть Стас подозревал, что по человеческим меркам это было ужасно. Но сам не испытывал ни ужаса, ни омерзения. Он вообще ничего по этому поводу не чувствовал. Усмехнулся и, положив снимки в папку, вернул ее Югире.

– Чему улыбаешься, Станислав?

– Это не улыбка, Югира, это усмешка. Я просто... Знаешь, я сам себе кажусь тысячелетним старцем с головой подростка. Мне нет и сорока лет, а моя эпоха закончилась.

– Почему?

– Потому что я только что увидел развороченное выстрелом и кислотой лицо мертвеца, но мне совершенно плевать. Не должно бы, но мне плевать. Я видел в свое время, как парень, который не успел вовремя надеть противогаз, выцарапывал себе глаза. И выцарапал, но не остановился, а продолжал рвать лицо. А я не мог ему помочь, потому что держал пулеметную ленту. Вместо него – парень был вторым номером. Я видел, как он умер, Югира. И это не все, что я успел увидеть за свою жизнь, и это вроде наждака. Оно обтесало во мне то, что должно чувствовать в такие моменты. Мне уже кажется, что я и не человек...

Югира молча кивнул и задумчиво уставился перед собой. Вряд ли он видел в этот момент дорогу. Стасу вдруг захотелось спросить: попади он в положение проигравшего бой офицера, стал бы вспарывать себе брюхо? Но сдержал себя, не спросил. Не знал, как тот отреагирует. Югира был отличным мужиком, судя по всему. Не стоило портить отношения нечаянной обидой.

* * *

Сарай тоже был обнесен стеной из бетонных плит. Но этот забор был не чета тому, что окружал свалку. На плитах вокруг Сарая были выбиты орнаменты, все они были искусно расписаны и казались произведениями национального искусства. Стас не особенно удивился бы, если б узнал, что все это сделано вручную и при Сарае содержится целый штат работников, отвечающих за сохранность и внешний вид стены. Даже стандартная телефонная будка у ворот была расписана лабиринтами орнамента, отчего казалось, что она сшита из ковров.

Около будки в теньке сидел на корточках человек, невероятно похожий на Югиру.

– Мой брат, – объяснил Югира. – В отличие от меня он принял мусульманство. У Эбо хорошо развита экономическая жилка, а жить в Сарае, будучи мусульманином, весьма выгодно. Подождите здесь, парни, я быстро.

Он вышел из машины и подошел к брату. Солнце медленно, но крайне упорно продвигалось в сторону зенита. Окрестности Сарая были засыпаны специально привезенным песком, а над стеной забора, покрытого восточным орнаментом, высилась колонна минарета.

– Можно подумать, мы где-нибудь в Арабских Эмиратах или в Египте, – сказал Стас.

– Это точно. – Ник опустил солнцезащитный козырек и обернулся к Стасу. – Богато у вас тут живут мусульмане эти.

– Эти да. Но эти – не все мусульмане Второго Периметра, поверь мне. Остальные живут в районе у свалки или в других точно таких же. По крайней мере большинство. Но есть, конечно, люди, кто на бедных внимания не обращает и рассуждает о том, что азиаты слишком много себе позволяют. Хотя на самом деле этнические поселения – факт, зафиксированный конституцией. Кое-кто, – Стас кивнул на забор, – этим умело воспользовался. И они не одни.

– Да, парень, такое дело. Законами вообще-то умело некоторые пользуются. Но не такие, как мы с тобой.

– Да уж, мы с тобой должны приглядывать за теми, кто не обладает такими талантами. Так что ты, наверное, был прав: ни хрена не исчезло и ни хрена не изменилось. Смотри, Югира возвращается.

Югира вернулся мокрый от пота, но довольный.

– Ник, рули в объезд к другим воротам. В парадные нас не пустят, но в Сарай мы сегодня попадем.

– Югира, ты уверен, что мы не обязаны перейти с тобой на «вы»? – покачивая головой, спросил Стас.

– Позже, – отмахнулся Югира, – на самом деле нам дали всего два с половиной часа. Нужно многое успеть.

* * *

Сарай был оазисом. Даже на фоне лучших домов в городах Второго Периметра он был оазисом. Прекрасным, чуждым и притягательным. Он был похож на экзотическую красавицу с постера, таких никогда не бывает в твоём окружении, но ты прекрасно знаешь, что где-то они все же есть. Впрочем, это сравнение из прошлой жизни. После объединения под натиском наступающей природы и связанного с этим перенаселением оставшихся за людьми районов не только дома стали выше, а улицы уже. Смешение рас и соседство религий (до зубов вооруженный нейтралитет с правой рукой на религиозном писании и левой на цевье пулемета Джексона), появление и уже взросление девчонок и парней таких причудливых национальных комбинаций, что подобным сравнениям вроде бы и места уже не осталось. И все же большой настенный календарь с экзотической красавицей – это именно то, о чем подумал Стас, когда

они проехали по задним дворам одно-двухэтажных домов из белого камня, который был похож на сахар. Даже обратная сторона медали была прекрасна! Дороги были вымощены булыжником, зелень вдоль дорог была редкой, но ухоженной и чужеродной. Тут и там из причудливых чаш били маленькие фонтаны. Мужчины строги и насторожены, а единственная встреченная женщина прятала лицо под паранджой. Ник шепотом сказал, что она наверняка умопомрачительно красива, а Стас ответил, что паранджа дает Нику право в это верить.

Единственным минусом пребывания в Сарае была невероятная жара. Здесь было еще жарче, чем за стенами. Стас в шутку предположил, что здесь под дорогами специально проложили трубы с горячей водой, потому что теоретически белый камень домов и такой же булыжник мостовой должны были отталкивать тепло, а не аккумулировать.

Ну и кроме того, им здесь явно были не рады, общались с ними без охоты, и беседа, которая могла бы уложиться в пять-десять минут, растягивалась на полчаса просто потому, что Стасу и Нику было сложно пробиться сквозь настороженность местных жителей. Была такая поговорка: «Что случилось в Сарае, то в нем и останется». Стас начал подозревать, что это не просто поговорка. Ничего нового они не узнали, все собранные сведения соответствовали тем, что уже хранились в синей папке Югиры.

Кстати, сам руководитель группы, отдав распоряжение Стасу и Нику, куда-то исчез. Скорее всего, парился в какой-нибудь местной бане, а гурии избавляли его от проблем, накопившихся за пять лет семейной жизни. Вымотанные уже через полчаса работы, взмокшие и возненавидевшие тропические красоты, которыми не так давно восторгались, Стас и Ник выработали план. Им нужно было опросить жителей домов, окружающих центральную площадь. Эту часть задания они выполняли, строго сверяясь с тенью от башни минарета. Они преданно следовали в ее кильватере – это хоть немного спасало от жары.

Был один пункт из намеченных, который так и остался нераскрытым. Все опрошенные в один голос утверждали, что понятия не имеют, кто этот убитый, зато все знали точно, без объяснения причин, что он был не местный. Каким образом чужой человек мог попасть на территорию Сарая, а точнее, на задний двор мечети и остаться незамеченным, они не знали. Но многие видели, как этот человек упал, сраженный пулей. Выходило так, что он как будто появился из ниоткуда только для того, чтобы его череп разошелся по швам.

Наконец, когда означенное ранее время истекло, появился Югира. Он не выглядел утомленным, скорее, наоборот – довольным, что подтвердило худшие опасения его подчиненных.

– Выезжайте за ворота, парни, и ждите меня у парадных. Я выйду там.

– О'кей, – вздохнули Стас и Ник и обреченно побрели к «Фольксвагену».

– Хорошо быть старшим детективом, – проворчал Спайкер, залезая на водительское сиденье.

– Это точно, – кивнул Стас. – Ты что, выключал кондиционер?

В салоне ведомственной машины царил горячий ад пустыни.

* * *

Югира вернулся еще через полчаса – взмокший, в запыленном костюме и с довольным видом.

– Югира, конечно, нехорошо так говорить руководителю, даже временному, – заметил Стас, глядя в сторону, – но такое ощущение, что ты неизвестно чем там на песке занимался, и это «неизвестно что» тебе понравилось.

– Надо бы не забыть лишить вас премиальных, – усмехнулся Югира. – Потому что я... Да, я выпил по чашке чая с парой человек, но, увы, так и не побывал в секретных банях, и в гарем паши меня не пустили. Зато я получил вот это, – он потряс несколькими листами бумаги, –

общий план поселения с расписанием высот и прочего. А третья новость – я дозвонился до Польшера, он нашел машину.

– Его связи лучше твоих, – констатировал Стас. – Потому что ничего толкового из поездки в Сарай не вышло. Боже, как я мог мечтать сюда попасть? Жуткое место. Кстати, я готов сесть за руль.

– Наконец-то. – Ник поторопился покинуть водительское место. – Еще час езды под таким солнцем – и мои глаза будут похожи на глаза господина Югиры.

Маленький, непристойно скромный для этих мест ведомственный «Фольксваген» сделал круг перед ковровой дорожкой и, поднимая облака пыли, помчался туда, откуда приехал. Ему вслед печально сверкнул солнечный блик на золотом полумесяце над минаретом.

– Черт, такую дорогу зря осилили, – проворчал сзади Ник.

– Спайкер, ты теряешь хорошее настроение? – удивился Стас. – Думал, такого не бывает.

– Да я вообще-то парень веселый. Смешливый и все такое, – пожал плечами Ник, – но, похоже, если кто и сдвинет это дело с мертвой точки, то не наша группа. А значит, уцепиться за должность в Управлении мне не светит и придется возвращаться в Третий Периметр, если не на Периферию.

– Мы не зря съездили, – возразил Югира. – Все, что нужно, я узнал. И даже если не мы найдем ответ, кое-что интересное мы откопали. А потом, я слышал, что сформированные Гейгером группы не будут сразу расформировывать. Ладно, смотрите...

Югира снова помахал бумагами и объявил:

– Когда я перед поездкой уточнял подробности убийства в Сарае, меня смутила одна деталь. Вообще-то в ней нет ничего особенного, поэтому никто не обратил на нее внимания, а Ублюдка не пустили в Сарай. Он бы и сам додумался и уже сложил бы это дело с себя, поскольку наши убийства, скорее всего, не его специализация.

– Югира, – проворчал Стас, – никогда не видел тебя таким разговорчивым.

– Ты убиваешь флер классического детектива, Станислав. Я должен выступить с обличительной речью, затягивая интригу. Вы, европейцы, такие непоседливые... Короче, меня смутил тот факт, что все убийства были совершены с высоты. Этот момент вообще характерен для снайпера, работающего в городских условиях. Залечь на какой-нибудь крыше, или балконе, или даже карнизе, выбрать жертву, выстрелить – так они поступают. Не всегда, но и не редко. Но Сарай – это же не совсем город. Единственная достаточная высота в этом поселении – у минарета. Я это знал, так как мне уже приходилось бывать в Сарае. Так вот минарет. Даже если не учитывать, что вокруг него такая охрана, что нашему президенту даже в Первом Периметре не снилась, все равно наш снайпер не мог находиться там.

– В смысле?

– Если верить вот этим бумагам и заключению экспертов, сделанному на основе положения тела и баллистических характеристик, выстрел должен был быть произведен с противоположной стороны.

Стас непонимающе посмотрел на Югиру, потом огляделся, как будто мог что-то рассмотреть сквозь заднее стекло отдаляющегося от места преступления «Фольксвагена».

– Но на противоположной стороне нет высотных зданий и вообще нет высот, – проговорил он наконец. – Насколько мне, конечно, известно.

– Верно, – кивнул Югира.

– Снайпер на аэроплане или вертолете? Бред какой-то.

– На аэроплане, вертолете, дельтаплане...

– Или дирижабле, – добавил Ник. – Они же и над Сараем летают?

– Не знаю, но почему нет? Не думаю, что паша купил и небо над своими землями.

– Круг подозреваемых сузился с любого до любого, у кого есть летное удостоверение, – констатировал Стас.

– Или была возможность попасть на борт в момент совершения убийства. Возможно, убийств.

Стас посмотрел на Югиру и покачал головой:

– Серийный убийца-снайпер на летательном средстве? Похоже на начало анекдота.

– Или скандала, – согласился Югира, – в случае, если это не серийный убийца. Нам нужно определить, кто эти люди. Мы не особенно сдвинулись с мертвой точки, но это кое-что. У других нет и этого.

«Фольксваген» налетел на «лежачего полицейского», определяющего скоростной режим на подъездах к магистрали. Стас вдруг резко затормозил и посмотрел на японца.

– Югира, – проговорил Стас, – серийного тоже исключать нельзя. Потому что, возможно, снайперская винтовка – это не главное. Не фетиш. А мотив, вернее, то, что определяет поведение маньяка, в чем-нибудь другом. Выстрел не играет роли, винтовка – это просто орудие убийства, и все.

Югира снова кивнул:

– Ты не первый до этого додумался. У Гейгера есть такая версия.

– Нам точно надо разузнать, кто эти жмурики, – просунув голову между передними сиденьями, вставил Ник Спайкер. – Парни, я чувствую, что у меня еще есть шанс получить работу в городе. Куплю себе фиолетовый костюм и красный галстук. Всю жизнь об этом мечтал.

– В Мессельтресс, – приказал Югира.

– Точно, – согласился Стас. – У их шерифа отличный кофе.

Может, ведомственные микроавтобусы и не были самыми мощными лошадками в обжитом людьми пространстве, но уж самыми исполнительными – точно. Они были как те пони, которым никогда не стать настоящей лошастью, но которые все равно готовы выполнять лошадиную работу, отплясывая на задних копытах.

– Парни, я что спросить хотел, – проговорил Ник, снова показываясь между сиденьями, – а разве шериф не относится к областному ведомству? Вы же мне вчера сказали, что им вроде как надо палки в колеса пихать и все такое.

– Тут все очень сложно, – натянув на лицо маску крайней серьезности, ответил Стас. – Шериф подчиняется областному управлению. И «подчиняется» тут ключевое слово. Какой раб не желает поплясать на могиле своего хозяина?

– Что-то я не совсем понимаю, – честно признался Ник Спайкер.

– Ничего страшного, – успокоил его Югира, – это понимание приходит не сразу. Медитируй, практикуй водные процедуры, работай в нашем Управлении, и со временем тебе откроется дао. Сайонара!

– Совершенно верно, господин Югира, – сказал Стас и поклонился до рулевого колеса. – Теперь я вижу, что вы достигли истинных высот цинизма.

* * *

Двадцать вторую автомагистраль с ее эскортом скелетоподобных столбов высокого напряжения и стремительную, прямую, как указка, Четвертую магистраль соединяла всего одна дорога. Город за последние десять лет невероятно разросся не только ввысь, но и вширь. Когда-то это были глухие места, и одна из стремительно теряющих вес авиакомпаний решила переместить сюда свои самолеты. Причина проста: земля тут стоила копейки. Компания все равно обанкротилась, но к тому времени городу понадобились трассы, о которых предки нынешних людей и думать не думали. Ну и поскольку в основу дороги легла бывшая взлетная полоса удачно обанкротившейся частной авиаэскадрильи, дорога эта носила имя Пан-Америка. До сих пор сквозь буйство разросшихся степных растений можно было разглядеть неко-

гда расчищенные под строительство ангаров площадки. Где-то там, под волнами буро-зеленой травы, прятались фундаменты. Мечта, поросшая бурьяном.

Дорога была настолько ровной, что даже «Фольксваген», в котором по определению что-то должно было греметь, ухать и скрипеть, ехал безупречно тихо. В этот час областные трассы были девственно чисты.

– Немного похоже на наш лагерь на Периферии, – с грустью заметил Ник.

– Скучаешь? – обернулся Югира.

– Как сказать, господин Югира. Жизнь там была полное, простите, дерьмо. Жрачка – никакая, жили в палатках. Но... да, отчего-то скучаю. Только не подумайте, что жалею, не в том дело. Просто мои ребята там остались, и вообще... После войны я жил там, а до войны был совсем мелким пацаном. Я не хотел бы вернуться туда, конечно... Тут в чем дело? Я же другой жизни не знаю.

– Ладно. – Югира хлопнул ладонью по синей папке. – Пора доказать, что Доусон Лейст-рейд не прав.

– Точно, пора надрать рыжую задницу Лиса-Педераста. Посмотрим, что там за связи у Польшера, – проговорил Стас. И тут – такое бывает – его осенило второй раз за день. – Югира...

– Станислав, ты изменился в лице. Если не можешь вести...

– Нет, с этим все нормально. Я еще не пришел в норму, но прихожу. А так бы догадался раньше. Связи! Известно ли тебе местечко под названием «Порги и Бесс»?

– Оружейный магазин, где продают антикварное стрелковое... Раньше назывался «Миротворец», потом налоговая их прижала, и они сменили название.

– Точно.

– Ну да. Я как-то заводил дело на его хозяина. Были сведения, что из-под стойки он торгует не только антиквариатом. Но то дело как-то замяли...

– Ну, – Стас усмехнулся, – если ты обещаешь, что наши отношения не изменятся... Короче, в заминке того дела отчасти повинен и я...

– Ты?

– Дай объяснить. Хозяин «Порги и Бесс» Фарик – мой знакомый. Не друг, но мы как-то пересекались еще во время войны. Он кое-что подкидывал мне со складов. Ну, там, тушенки, шоколада... Сам знаешь. А теперь он иногда подбрасывает мне информацию.

Югира смерил Стаса непонимающим взглядом, потом замер, и на его скуластое лицо выползла непрошенная улыбка.

– Винтовка? «Мусима»?

– Пока рано делать выводы, – Стас кивнул, – но Фарик может что-то знать по этому поводу. Конечно, если бы потребовалась просто информация в рамках официального расследования, он молчал бы как рыба. Не в его интересах открывать глаза нашим коллегам... Но, думаю, мне он не станет отказывать.

Скромный «Фольксваген» Управления юстиции вздрогнул всеми частями своего механического тела и, перевалив через второго «лежащего полицейского», вырвался на автомагистраль.

– Стас, – просунув голову между сидений, спросил Ник, – а почему оружейный магазин назывался «Миротворец»? То есть, я имею в виду, оружие и миротворец. Это же...

– Был такой кольт «Миротворец», легенда Дикого Запада, – объяснил Стас. – Посмотри любой старый вестерн, ту же «Великолепную семерку».

– Славные были времена, – вздохнул Югира. – Нам бы их проблемы.

Они неслись по прямой стреле автомагистрали под самым разъяренным солнцем этого года. Ни одна машина не встретила их на пути, и только ветер пригибал степное разнотравье к земле и бежали в обратном направлении высоковольтные столбы.

– Давайте радио послушаем, – предложил Ник. – Нравится мне этот ваш Халли.

– А ты думаешь, почему мы его до сих пор не нашли? – усмехнулся Стас.

«Вы все еще со мной, парни? Вы все еще на безумных волнах рэйдио „Хоспис“? Манкируете служебными обязанностями? Занимаетесь очковтирательством, откровенно саботируете трудовой процесс, и все это ради пары-другой песенок про девок, пиво и серфинг? Знайте, если это так, то вы не безнадежны и голодная машина рабочей недели еще не добралась до ваших потрошков. Не тешьте себя иллюзиями, рано или поздно это случится, если, конечно, к тому времени город не возьмут приступом упыри или Токсичный Мститель не нанесет вам дружеского визита. Би Муви – любовь моя: самые правдивые пророчества в самом хреновом изображении. Кетчуп вместо крови, пластиковые клыки по кредиту за штуку, диалоги – как в порнофильмах. А в остальном – почти наша действительность, разбавленная романтикой желая сделать уродливое еще более уродливым. Ну разве это не мило, дети мои, разве это не затрагивает нежные струны наших душ? Разве, глядя на то, как юная девственница, испив мутагена, превращается в покрытое язвами и алчущее крови существо, вас не тянет со слезами обратиться к луне и с грустью взвыть о самом сокровенном? Ведь мы-то знаем, что скоро, очень скоро все мы станем героями одного большого Би Муви и жизнь наконец станет прекрасна и кристально ясна. А пока этого не случилось, на волнах последнего радио катящейся ко всем чертям цивилизации звучит пронзительно-душераздирающе-сердцевыгрызающая – детка, я люблю свою тягу к словообразованиям – музыка группы „Zombies“. „Time of the Season“... От винта, или, как говорят русские классики, – за сим начнем!»

* * *

Югира отправился на встречу со «связями» Польшера, Спайкер обнаружил в холле офиса шерифа довоенный пинбол «Тринадцать монстров» и исчез для всего мира, превратившись в пневматическую запчасть. Оставшись в одиночестве, Стас побродил по коридору, разглядывая черно-белые фотографии разыскиваемых преступников на одной стене и цветные фотографии сотрудников местного управления на другой. Выпил чашку кофе, полистал буклет киноновинок «Палладиум». Единственным живым человеком в офисе (если не считать Ника с глазами зомби) был сам молчаливый шериф, который дремал, закинув ноги на стол и надвинув на глаза шляпу. Тишину нарушали лишь редкие всхрапывания и частые щелчки пинбольных слотов. Через четверть часа Стас почувствовал, как на него начала наваливаться дремотная апатия типа той, что была изгнана утром горьким отваром Югиры. Он торопливо прошагал через длинный коридор и вышел на улицу.

Время неукротимо убегало в сторону вечерних сумерек, хотя сами они еще даже не намекали на собственное существование. Так бывает только летом и только в этих широтах, когда день длится невероятно долго, а ночь скоротечна, как жизнь насекомого. Только здесь, выйдя на улицу в светлый день, можно явственно ощутить приближение вечера. Стас никогда не формулировал для себя причин подобной реакции, просто принял ее как факт. Это была чужая для него территория, но он вынужден был здесь проживать, потому что его родина наполовину осталась за Стеной Периферии, а наполовину вымерла и оборотилась к миру выбитыми стеклами окон и пустыми дверными провалами. А проживая здесь, он вынужден был принимать и новые условия. По сути, ему повезло. Когда спала лихорадка первых послевоенных лет и перенаселение стало самой насущной проблемой, тогдашнее временное правительство составило на базе разностной машины тест на пригодность к проживанию в зоне контроля. Стас набрал средний балл, а это значило, что он имел право на проживание как в Третьем, так и во Втором Периметре.

А многим и теперь приходится существовать под постоянной угрозой прорыва Стены в непосредственной близости от опустевшей Периферии. К примеру, одной хозяйке бара, чье имя Стас так и не узнал. Да, там были квартиры с несколькими комнатами и даже собственные

дома. Но жизнь в вечном страхе и ожидании – кому такое пожелаешь? К тому же ни о какой серьезной карьере в Третьем Периметре можно было и не думать. Разве что дорасти до управляющего сырьевыми разработками или складами. Но чаще шли по военной линии: военных кормило и одевало государство. Поэтому парни типа Ника и пересдавали раз за разом тесты (а пересдачи были платными и стоили немалых денег), надеясь вырваться во Второй Периметр и, как того требовал закон, в течение нескольких месяцев найти место проживания и работу. В противном случае депортация и очередные попытки пересдачи.

Стас потянулся и отчаянно зевнул. Спать хотелось невероятно. И курить. С первым сделать ничего было нельзя, так что Стас выбил сигарету из пачки и нащупал во внутреннем кармане пиджака коробок спичек. Прикурил, глубоко затянулся, огляделся.

Город казался вымершим, хотя на самом деле бо́льшая часть населения трудилась на одном из двух заводов, вокруг которых еще до войны и вырос Мессельтресс. Собственно, заводы «Мессель» и «Ван Тресс» дали городу название. Больше тут делать было нечего, разве что трудиться на муниципальных должностях, что, разумеется, оплачивалось на порядок хуже.

Высотные здания, окружавшие единственный двухэтажный дом в Мессельтрессе – офис шерифа, закрывали вид на неохватные заводские трубы, но ленивый теплый ветер временами доносил неприятный запах промышленной гари. Даже не ветер, а так, сквозняк...

Стас вдруг ощутил себя на дне гигантской воронки, ощутил себя в безопасности. Это чувство было из тех времен, когда во время артобстрелов или бомбардировок какое-то суррогатное чувство защищенности давали только старые воронки от снарядов. Говорили, что в одну и ту же воронку бомба дважды не попадает. Вообще-то они попадали и дважды, и трижды. Но об этом не говорили.

Дома, расширившиеся (за счет внешних несущих конструкций) едва ли не в три-четыре раза после войны (причина все та же – перенаселение), обступали маленькую площадь, словно каменные гиганты, запертые в клетках. Или атланты, упирающиеся в пронзительно яркое, почти белое небо серыми угловатыми плечами. Стой они чуть ближе друг к другу, и, наверное, можно было бы со дна этого рукотворного колодца увидеть звезды. Прямо посреди дня.

Стас понимал, что эти высоты – всего лишь человеческие муравейники. Может быть, они чуть лучше остальных домов в этом бедном индустриальном городке: все же центр. Но это ничего не меняло. Квартиры были однокомнатные, в них селились семьи, невзирая на количество членов, иногда по пять-шесть человек. Может, в этих домах было лучше, к примеру, удобства были в каждой квартире, а не на этаже, как в некоторых домах городской окраины, но все равно это не шло ни в какое сравнение с тем, что он помнил из довоенных времен... Разумеется, в Первом Периметре дела обстояли иначе, но это как раз соответствовало тому, что Стас помнил о жизни до войны. Кроме того, в лучших условиях жили ученые, интеллектуалы и ведущие специалисты в различных областях социальной сферы, обитающие в столице. Это, наверное, было правильно, но именно за это «умников» не любили.

Единственным украшением площади был странный монумент: на покато́й бетонной глыбе был установлен старый, довоенный танк. Округлая башня, слишком высокая база – все это было совершенно не похоже на «Шерманы», к которым Стас привык за время войны.

Стас медленно спустился по ступеням на тротуар.

С железным стоном несмазанных петель раскрылись ворота автопарка офиса шерифа. По сути, это был всего лишь задний двор особняка, но в нем легко умещались четыре машины. На площадь, выбивая сигарету из мятой пачки, вышел парень в рабочей спецовке. Кепи на его голове сидело козырьком назад, лицо было испачкано мазутом, а высокие военные ботинки были без шнурков и воодушевленно болтали языками при каждом шаге.

– Огонька не найдется? – обратился парень к Стасу.

– Найдется.

Парень принял у Стаса спички и прикурил.

– Из города?

– Да. Совместное расследование.

– Наверное, по поводу того жмурика, которого завалил снайпер. – Парень вытер руку о штанину и протянул ее Стасу. – Арчи. Местный водила.

– Стас. Тоже до прошлого года был водилой. Сдал экзамены на младшего детектива. У меня приятеля, кстати, Арчи зовут.

– Вообще-то у меня это просто сокращение от Аркадий. Я русский. Сразу после войны, до всех этих тестов, здесь было русское поселение. Теперь только я и еще одна девчонка остались. Остальные в основном в Третьем Периметре, на Стене. Ну и почти половина «умников» в Первом Периметре – отсюда и из других русских поселений. Такая нация, – парень невесело усмехнулся, – либо все, либо ничего.

– Знакомая картина, – кивнул Стас. – Мой приемный отец был русским. Ты, кстати, не в курсе, что это за машина? – Он кивнул на танк и вопросительно уставился на Арчи-Аркадия.

– Это «Т-34», парень, легендарный русский танк. Проблема в том, что воевать на такой штуке только русские и могли. Ну, знаешь, никакого комфорта, механика летит постоянно. Но... Если в нужном месте ударить молотком, можно выводить на любую дугу, и он надерет задницу всем «Фердинандам» и «Шерманам». Это не в смысле, что я расист. Просто никто, кроме русских, не знал, куда именно нужно бить молотком.

Парень заразительно засмеялся, и Стас с удовольствием его поддержал.

– Ладно, спасибо за огонь. Пойду разбираться со своим «Хорьхом». Утомил глохнуть.

– Проверь карбюратор, – посоветовал Стас, – у меня тоже был «Хорьх» поначалу, пока «Фольксвагены» не завезли.

Когда Арчи скрылся за железными воротами, Стас уселся на ступени офиса и посмотрел вверх. Звезд видно не было. Стас закрыл глаза и позволил себе задремать. Было тихо и почти хорошо.

* * *

– Не спи, солдат, дембель проспичь!

Стас открыл глаза и обнаружил перед собственным лицом нестираемую улыбку Спайкера.

– Югира с Польшером вернулись. У нас есть имя, приятель!

– Какое имя? – не понял спросонья Стас.

– Имя жмурика, какое же еще, – усмехнулся Спайкер. – Пошли к шерифу, он как раз кофе разливает. Тебе, если ты не в курсе, не повредило бы.

– Это точно, – согласился Стас и со стоном поднялся на ноги. Голова была тяжелой, как колокол, и при каждом движении пыталась так же гудеть.

– Долго я спал?

– Больше двух часов...

По всей видимости, шериф провел время так же, поскольку вид имел опухший и недовольный. Зато аромат свежесваренного кофе, витавший в кабинете шерифа, бодрил сам по себе и намекал на еще большую бодрость, сокрытую в пластиковом стакане.

– Этот кофе, – задумчиво проговорил Югира, не оглядываясь на вошедших подчиненных, – вызывает у меня острое желание перевестись к вам в офис, шериф. К сожалению, мне придется перейти под юрисдикцию вражеского управления.

Хозяин офиса скупно улыбнулся и пожал плечами. Сидящий в углу Польшер пожал плечами не улыбаясь. Стас удивленно уставился на коллегу. Вместо обычного костюма цвета сильно разбавленного какао на нем сегодня были узкие подвернутые джинсы и джинсовая же рубашка с обрезанными рукавами. Благодаря последнему становилось очевидным, что види-

мая одутловатость Польшера – миф, по крайней мере, это точно касалось рельефной мускулатуры на руках. Там же, к еще большему удивлению, Стас обнаружил татуировку в виде закинувшей руки пинап-девицы. Завершал парадоксальность картины густо набриолиненный кок вместо обычного, слегка приглаженного бардака на голове.

– Польшер, ты подался в рокабиллы? – тихо проговорил Стас, подсаживаясь к коллеге.

– Служебная необходимость, – бесцветным голосом пояснил тот. – Если хочешь, пей мой кофе. В меня уже не лезет.

– Итак, господа детективы, подобьем.

Югира отставил в сторону пустой стакан и обратился к подчиненным:

– Пробив по номерам на закладной, выданной нам... знакомыми Польшера, мы выяснили, что убитого звали Стив Картрайт, он работник общей канализационной службы. Что нам пока ничего не дает, но в Управлении уже роют. Машину он свою проиграл в карты, причем имеется, как я уже сказал, закладная, так что тут не подкопаешься. Я уверен, что парня перед этим подпоили, но не вижу смысла с этим возиться. Тем более что машину уже перепродали. К сожалению, близких родственников у погибшего нет, за исключением приемной дочери, Алисы Картрайт, которая проживает в городе. Соседка утверждает, что дочь убитого работает официанткой на экскурсионном пароходе «Черкес». Завтра он возвращается, и ты, Станислав, его встретишь. Твоя задача вытрясти из этой Алисы Картрайт по максимуму. Вечером возьми в Управлении ордер на обыск квартиры на тот случай, если девчонка заартачится. Кстати, для информации: у нее был привод за нанесение телесных повреждений, так что будь осторожен. На самом деле она не виновата, кто-то там пытался залезть к ней под юбку и получил бутылкой. Но если нужно будет надавить – используй. Если закончишь более-менее рано, заскочи к... своим «связям». Поспрашивай там.

Стас коротко кивнул.

– Спайкер! Утром садишься на телефон и обзваниваешь все частные авиаэскадрильи. Твоя задача выяснить, чьи самолеты в момент убийства были в районе Сарая. А мы с Польшером отправимся в парк дирижаблей, выясним про них. Всем все ясно? Прощайтесь с хозяином, и выезжаем.

Стас торопливо, в три больших глотка, допил кофе. Когда еще придется побывать в месельтресском офисе...

* * *

«В рабочий полдень, мученички! Я, черт побери, не слышу стука ваших сердец и нет-нет да и задаюсь вопросом: „А есть ли еще жизнь по ту сторону динамика?“ Жизнь-жистенка-жестянка. В последнее время я начинаю ненавидеть филологию и в целом ощущаю некий упадок духа. Вот вам самый очевидный прогноз погоды – завтра будет еще хуже. Звучит, не так красиво, как у метеорологов, но суть передает точнее. Порывы ветра будут меньше, небо будет еще безоблачней, а температура воздуха еще выше. Ох, не к добру эта мертвая тишина, грядет что-то, уважаемые, грядет. Как говорил какой-то там классик: „А что это за шаги какие-то на лестнице? А это нас арестовывать идут...“ Поставлю-ка я вам печальную композицию группы „The Prophets“ – „Everybody’s got a dance“... А сам я прощаюсь с вами до, если повезет, завтра. Спите чутко, родные мои. Прислушивайтесь к шагам...»

Город выросал навстречу тяжелым массивом многоэтажной стены окраинных небоскребов, перечеркнутой хрупкими, при взгляде издали, фермами внешних несущих конструкций. Абсолютно лысое небо сбрасывало вниз последние крохи света, уже подпорченные плесенью вечерней синевы и нескончаемым жаром, идущим от асфальта, от бетона, от металла, ото всего. Мелькнул в жарком мареве рекламный столб над развязкой. Округлые буквы «Кока-колы»

таранили сумерки во всем своем величии, самодельные плакаты воинствующих амишей были бесследно удалены.

Югира задумчиво мычал под нос в унисон радиоле и копался в синей папке, Спайкер и Польшнер дремали в салоне. При этом Польшнер был похож на прикорнувшего байкера, а Спайкер был похож на самого себя: даже уснув, он с нежностью прижимал к груди автомат. Стас вел микроавтобус по выделенной полосе, изредка включая сирену. Не столько для того, чтобы расчистить дорогу, сколько чтобы увидеть в зеркале заднего вида, как вскидывается в салоне Ник и как вообще никак не реагирует Польшнер. Старина Халли покинул эфир, поставив на круг свою любимую нарезку серфовых композиций. Дома у Стаса была пластинка с записью, пойманной с эфира. Называлась она «Surf to the Hospise» и была, разумеется, абсолютно нелегальна. Стандартный блин «на костях», запись ниже среднего, все как положено. Во время одного из рейдов была конфискована целая партия таких «костей», штук двести. Но, если верить документам, до хранилища улики добрались лишь сорок штук. Таким образом, Стас и многие другие сотрудники Управления стали обладателями любимой пластинки старины Халли. Ходили слухи, что к концу месяца он выкинет на черный рынок новый диск из серии VA. Слухи были абсолютной чушью. Если бы VA были делом рук самого Халли, то какого черта ему было снимать запись с собственной передачи через, судя по всему, обычную магнитола? Но пластинку ждали. ОМОН с кафедры экономических нарушений, по слухам, уже наводит справки, у каких именно продавцов пластинка появится первой. Все официально, чтобы предотвратить и не допустить.

Ближе к городу пришлось постоять, муниципальная полоса была забита караваном длиннокозовых трейлеров с маркировкой правительственной продовольственной службы на бортах. Толстый регулировщик, вяло помахивая жезлом, топтался у будки. Его глаза зорко вглядывались в поток автотранспорта, а лицо лоснилось от пота.

– Почему все регулировщики такие толстые? – покачал головой Стас.

– Наверное, это знак принадлежности к касте, – не отрываясь от бумаг, проговорил Югира. – У гейши бант должен быть сзади, у проститутки – спереди, а дорожный полицейский должен быть толстым.

– Что за бант у проститутки? – не понял Стас.

– Я имею в виду японскую проститутку... Вот же черт...

– Что такое?

– В том-то и дело, что ничего, – сказал Югира устало и закрыл папку. – Надеялся понять, где еще выстрел был сделан в таких же условиях, что и в Сарае. Но все остальные были убиты в городах, окружающие здания позволяют сделать выстрел с необходимой высоты. Все равно надо будет проверить рейсы аэропланов и дирижаблей по датам. Да и выстрел в Сарае может оказаться нехарактерным.

– Ублюдок говорил, что серийные убийцы редко меняют почерк.

– Если это серийный убийца, – покачал головой Югира. – И если это все та же серия.

* * *

Дома было жарко. За тонкой стеной вяло переругивались соседи, откуда-то сверху неопределенно пробивались басы знакомой мелодии. Стас включил телевизор для звукового фона, включил потолочный вентилятор и открыл окна. В холостяцком однокамерном холодильнике терпеливо дожидалась его бутылка пива. Вынутая из холода, она мгновенно покрылась конденсатом. Стас торопливо свернул крышку и сделал два больших глотка. Спать, разумеется, уже не хотелось. На экране телевизора мелькнула знакомая картинка: дорожный знак, на котором из баллончика было криво выведено: «The Motorcycle Boy Reigns». Стас прижался спиной к стене и медленно сполз на пол, не отрывая глаз от экрана. По пыльной улице, словно

выхваченной из сегодняшнего дня, шагала компания во главе с чертовски молодым Диланом. Стас усмехнулся и отсалютовал ему бутылкой.

* * *

То ли метеорологические источники Халли подвели его, то ли природа решила обвести вокруг пальца испуганное жарой человечество, однако утром внезапно посвежело, задул ветер, и на небе показалось несколько малообещающих, но все же облаков. Стас проснулся за мгновение до того, как будильник в виде пивной банки начал стучать сокрытыми молоточками по жестяным бокам. Прелесть данного устройства состояла в том, что специальной кнопки для выключения у него не было и, чтоб уgomонить жестянку, требовалось просто шлепнуть по ней кулаком. Подарок Бруно на прошлый день рождения. До прибытия «Черкеса» оставалось еще добрых три часа, и Стас впервые за долгое время позволил себе проваляться в утренней лени четверть часа после сигнала будильника. Это утро щедро раскидывало обещания.

Стас, зевая, осмотрелся. Ему нравилась эта нора. Письменный стол с лампой под зеленым абажуром (куплена на гаражной распродаже за копейки у какого-то обанкротившегося дельца). Книжная стойка, забитая стопками музыкальных и автомобильных журналов, детективных комиксов в духе нуар и какими-то безделушками из серии «рука не поднимается выбросить». Две книги на стойке – «Алиса в Хулливуде» Кемпбелла и «Люблю мой „Смит-Вессон“» Боукера – Стасу не принадлежали, он предпочитал пользоваться библиотекой Управления, где среди прочего можно было найти неплохие запрещенные книги. Пользоваться служебным положением в личных целях иногда бывало не только приятно, но и весьма полезно. Вместо гардероба Стас использовал встроенный в нишу турник, на котором висело несколько вешалок с двумя костюмами, практически неношеным мундиром, десятком рубашек и галстуками. Под турником на старом табурете были сложены футболки и трусы, а под табуретом стояла обувная коробка, в которой Стас хранил носки. Придвинутый к столу, стоял купленный на той же распродаже чрезвычайно удобный стул с подлокотниками. Ну и, собственно, раскладное кресло-кровать... Вот и вся обстановка. На пожелтевших, доставшихся еще от прежнего хозяина (если не вообще с довоенных времен) обоях висели киноафиши («The outsiders», «Касабланка», «Одиночка») и календарь с восходящей кинодивой, имя которой Стас никак не мог запомнить, хотя задницу эту узнал бы из тысячи. Под потолком лениво толкал застоявшийся воздух вентилятор. Обычная холостяцкая берлога устоявшегося в жизненных приоритетах человека.

Кресло-кровать жалобно скрипнуло, когда Стас решительно вскочил на ноги. Он попытался вспомнить, когда последний раз собирал этот агрегат в положение «кресло», но потом плюнул. Критически осмотрел не меняющиеся больше двух недель простыни, решил, что необходимо сменить, но не сейчас. Потому что портить такое утро хозяйственными проблемами было кощунственно. Шлепая босыми ногами по полу («Стоило бы подмести этот пляж... завтра, например»), Стас вышел на кухню, выгреб из-под груды немойтой («Завтра-завтра...») посуды турку и решительно зажег конфорку. В окно его кухни, зажатой между кухнями 32-го и 34-го этажей, легко заглядывало небо, которое сегодня не ослепляло обескураживающей белизной, а было всего лишь ярко-голубым с редкой перистой пволокой. Стас воткнул в розетку телевизионную вилку. Экран мигнул белой точкой, которая неторопливо расползлась, превращаясь в изображение. По первой, как обычно, шла аналитическая программа «Лисьими тропами», но несколько щелчков переключателя устранили эту чуждую деталь текущего утра. По второй крутила не вполне оформившимися бедрышками какая-то старлетка с вытравленными пергидролем кудрями и старательно подражала кукольному вокалу Мэрилин Монро. Получалось не то чтобы очень, однако аляповатая заставка на заднем плане с причудливо выгнутыми словами «Алло, мы ищем таланты» многое объясняла. По третьей двое скучнейшего вида граждан с

очками в пол-лица и неохватными плечами на головах обсуждали теоретическую возможность очередного финансового спада в связи с введением нового налогового законодательства. Стас поморщился и вернул переключатель на вторую программу. Старлетку сменил робкий юноша в полосатой рубашке с галстуком-бабочкой, намеревающийся пройти по горлышкам составленных в ряд бутылок шампанского. Уже на третьей бутылке он оступился. Стас усмехнулся и принялся за кофе.

* * *

Он припарковал «Студебеккер» на частной стоянке в десяти минутах ходьбы от Речного вокзала. Хмурый негр, длинный и тощий, молча принял плату и выдал жетон с номером места. После чего отвернулся и погрузился в чтение. Стас приподнялся на цыпочки, чтоб заглянуть за высокую стойку. Ему стало интересно, что такое может читать хмурый негр с автостоянки. Негр читал «Бесов» Достоевского. При этом на запястье руки, которой он перелистывал страницы, имелась татуировка одной из окраинных банд. Стасу она была знакома, поскольку полтора года назад, еще работая водилой, он участвовал в налете на владения банды. За баранкой «Плимута» их главаря сидел настоящий ас, словно сошедший с киноленты фильма «Водитель», и Стасу с коллегами пришлось сильно поднапрячься, прежде чем они смогли зажать его в тупике. Потом была недолгая перестрелка. Водила умер на месте – одна из пуль разнесла ему череп. А главарь выжил и после непродолжительного, но весьма эффективного лечения в тюремной больнице был отправлен на угольную шахту Периферии. Говорят, продержался почти полгода – рекорд для тех мест.

Банда так и называлась – «Бесы»...

На мгновение утро стало чуть менее жизнерадостным. Стас вспомнил, с каким упоением и восторгом описывал ту погоню в письме отцу. И как получил вскоре ответ, в котором Анатолий Бекчетов в свойственной ему сдержанной манере писал, что уважать врага и восхищаться им – привилегия благородных людей, получивших достойное воспитание. Особенно если при этом они не забывают, что враг остается врагом, несмотря на все восхищение им и уважение к нему.

Всего полтора года назад с Периферии еще приходили письма. Полтора года назад с Периферии было кому писать. Сегодня обжитая территория ушла вглубь на несколько километров. Вглубь от Стены. А по Периферии передвигались только патрульные машины да шарили прожектора со Стены.

Весь вчерашний вечер и сегодняшнее утро Стас не вспоминал об отце. Но он понимал, что Скальпель был прав: это не пройдет. Рано или поздно что-то напомнит. Надо учиться жить с этим, учиться принимать мгновения, когда в памяти всплывают вот такие эпизоды.

Стас запер «студ» и быстрым шагом покинул стоянку. До прибытия парохода оставалось полчаса. Можно успеть пропустить стакан кофе в местном буфете.

* * *

«Черкес» был огромен. Он возвышался белой стеной над причалом, и по трем сходням (для трех категорий пассажиров соответственно) шли и шли люди. Поток этому, казалось, не будет конца. Гигантское пароходное колесо было на треть утоплено в воду, а по виднеющимся лопастям винтов сбегали целые ручьи. Но бо́льшая часть гребного колеса скрывалась за полукруглым кожухом из металла, на котором причудливым шрифтом было выведено название корабля и компании-владельца. Белые колонны труб с красными кольцами равнодушно смотрели в небо, а многочисленные палубы были обвиты ажурными поручнями. «Черкес» был красив и грозен одновременно. Одна мысль о цене на билет пугала Стаса до зубной боли.

Откуда-то, то ли с верхней палубы «Черкеса», то ли с крыши Речного вокзала, громыхла многократно усиленная невидимыми динамиками мелодия гимна Объединенного Человечества «В едином порыве». Жуткая бравурная чертовщина, как считали Стас и большинство их тех, кому он мог смело высказывать свои мысли. Да и нынешнее название государства вызывало вопросы. Например, Арчи считал, что правильнее было бы называться Сбившимся В Кучку Остатком Человечества, Готового Наложить В Штаны При Мысли О Том, Что Творится За Стеной. А Скаल्प тогда с пьяной серьезностью заявил, что государство непременно назвали бы именно так, но получившаяся аббревиатура абсолютно непроизносима, даже на трезвую лавочку...

Стас стоял, прислонившись к стене, у служебного входа в здание вокзала, зная, что рано или поздно Алиса Картрайт пройдет мимо него. В кармане пиджака лежала фотография дочери покойного, но Стасу она была ни к чему. У девушки было симпатичное лицо, не совсем характерное для тех, что сверкали теперь с большинства плакатов и афиш. Не было стандартных пухлых щечек и маленьких губ, не было и намека на мягкость форм. Острый, слегка курносый нос и веселые, вневозрастные морщинки в уголках глаз наводили на мысль о добронравии, но несколько раскосые, с льдинкой глаза говорили о том, что добрый нрав легко может смениться расчетливой яростью. Черты ее лица были непривычны, и славянские скулы заметно выделялись, но это не портило общей картины, просто делало красоту Алисы Картрайт необычной. Нестандартной...

Судя по делу, ей было почти двадцать шесть, и шестнадцать лет она провела в детском приюте при какой-то религиозной общине в Третьем Периметре. В день совершеннолетия ей пришлось пройти стандартный тест на пригодность, и она получила средний балл по социальной сфере. Переехала во Второй Периметр и сразу же устроилась в речную компанию «Дубинин и сыновья». Здесь Алиса познакомилась с Бетти Уэльбек, подружилась с ней, а позже была ею удочерена. Три года назад Бетти Уэльбек вышла замуж за Стива Картрайта, а еще через год умерла во время неудачных родов – ей было уже глубоко за сорок, и рожать в таком возрасте значило сознательно идти на риск. К сожалению, ребенок также погиб. Таким образом, Стив Картрайт и его приемная дочь Алиса Картрайт остались одни...

Вся жизнь в нескольких абзацах.

* * *

Черно-белая фотография из архива речной компании «Дубинин и сыновья» скрывает самую главную особенность Алисы Картрайт, которая проявилась в тот же миг, как она показала в монохромной, сине-белой толпе фрахтовых работников «Черкеса». У дочери покойного была самая рыжая шевелюра из всех, какие Стасу приходилось встречать. Это был не распространенный тускло-рыжий цвет, а яркий и живой, солнечные лучи терялись в этой шевелюре без надежды на избавление. К тому же вопреки моде прическа Алисы Картрайт не была уложена гигантскими локонами вокруг головы, а спадала мягкими волнами на плечи, и набегающий с реки ветер то и дело заставлял их оживать языками пламени и метаться, метаться... Алиса привычными движениями пыталась укротить их, откидывая назад или зачесывая за уши, но те подчинялись лишь на секунды, а потом снова проявляли характер и взлетали костром. Матрос, дежуривший на причале у сходней, которого Стас предупредил заранее, остановил Алису и указал в сторону служебного выхода. Стас снял с головы шляпу и помахал ею, привлекая внимание женщины, поскольку сошедшие на берег работницы и экипаж парохода уже заполнили площадку перед служебным выходом. Алиса о чем-то спросила у матроса, тот пожал плечами. Тогда она развернулась и пошла в сторону Стаса, и в походке ее было не меньше вызова, чем в огненном цвете волос. Стасу на миг подумалось, что казенные фотографии изначально созданы для того, чтоб скрывать правду об оригинале. К примеру, о ладной

фигуре, с чуть более полноватыми относительно всей фигуры бедрами, которые тем не менее смотрелись весьма изящно, когда Алиса Картрайт решительно вышагивала через причал. Она была высока для женщины, да еще и на немаленьких каблуках, так что, когда Алиса подошла к Стасу, они оказались почти одного роста.

– Это вы детектив? – спросила она, глядя Стасу прямо в глаза, и голос ее был того низкого тембра, какой бывает лишь у женщин.

– Детектив Бекчетов, – кивнул Стас.

– Если вы насчет смерти моего приемного отца, – девушка пожала плечами, и в голосе ее не промелькнул даже намек на горечь, – то я уже ответила по телефону на все вопросы. Точнее, я ответила, что не смогу помочь, поскольку не видела его с тех пор, как умерла Бетти... – А вот теперь горечь проявилась. – Я имею в виду Бетти Уэльбек, мою приемную мать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.